

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ВЛАДИМИР КОРН

АРТУА.

УЧЕНИК УЧЕНИКА

Владимир Алексеевич Корн Артуа. Ученик ученика Серия «Артуа», книга 1

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3523625
Артуа. Ученик ученика: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1193-1*

Аннотация

Угодив в чужой мир позднего Средневековья, не надейся, что у тебя получится мастерить из бараньих косточек на левом колене крупнокалиберные пулеметы. Не думай, что в тебе внезапно проснется талант гениального стратега. Забудь о том, кем ты был раньше, и начни с самого малого: постарайся в нем просто выжить.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	59
Глава 6	70
Глава 7	82
Глава 8	92
Глава 9	101
Глава 10	112
Глава 11	125
Глава 12	139
Глава 13	151
Глава 14	163
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Владимир Корн

Ученик ученика

Часть первая

Глава 1

Афродит

В правом боку колело. Я немного передвинулся и посмотрел направо еще немного мутным после сна взглядом. Камень?! Да еще и торчащий из песка. Откуда? Вообще-то я засыпал в своей постели и искренне надеялся проснуться там же. Ладно, может, и не совсем там же – были у меня и другие планы, даже телефон поближе положил, чтобы сразу ответить. Один звонок, милая, – и я примчусь, чтобы обжечь тебя огнем своей любви.

На ноги с мягким шорохом накатила теплая волна. Так, а вот с этим совсем уже непонятно, ведь от моего дома до ближайшего моря – как до Пекина в позе дачника. Сам Пекин, кстати, значительно ближе. И еще, на дворе как-никак декабрь, не самое удачное время принимать солнечные ванны. А у меня ощутимо горят плечи, и голову явно напекло,

с трудом соображаю. Хотя с головой-то, пожалуй, не привыкать, обычное состояние и без солнечных ударов.

Я вскочил на ноги, утвердил пошатнувшееся тело в строго вертикальном положении и огляделся.

Красиво, черт возьми. Как в моих мечтах перед сном, когда я оказался на необитаемом тропическом острове, скрываясь от мелочных злобных людишек, которые почему-то даже не задумывались о том, что им привалило немислимое счастье жить на одной планете с таким замечательным человеком, как я.

Правда, в своих мечтах на острове я был не один, а в компании с двумя очаровательными созданиями, буквально боготворившими меня: натуральной блондинкой и жгучей брюнеткой. Мои мечты тогда так взволновали меня, что пришлось идти на кухню выкурить сигарету и выпить стакан холодной минералки. Все это время я поглядывал на телефон. Ну позвони же, черт возьми. Мы и так уже почти неделю в ссоре. В конце концов, ты сама виновата.

– Артур, тебе скоро тридцать, а у тебя еще детство играет в том месте, которое не для этого предназначено, – заявила она.

Это случилось после того, как я отказался от одной вакансии, с большими, да чего уж там – с огромными перспективами в плане карьерного роста.

Ну как же мне объяснить тебе, милая, что на свете столько интересного. Красота северного сияния... Запах берега, где

так давно не был... Прощальный привет заходящего солнца – зеленый лучик, устремленный вертикально в небо, который можно увидеть только в открытом море через бинокль или пеленгатор... А сколько в мире нераскрытых тайн! Один Тунгусский метеорит чего стоит.

Новая же работа подразумевала вечное сидение в общем кабинете с редкими вылазками в соседние города. Поразмыслив немного, я пришел к выводу, что долго удержаться там не смогу. Да и очень не хотелось подводить людей, хлопотавших за меня.

Так, быстрее в тень, явно перегрелся. И во рту все пересохло.

Я доплелся до ближайших кустов, росших на берегу, и рухнул в благословенную тень. Здесь и песочек прохладнее.

Теперь воспользуемся старым добрым методом ниндзя, чтобы избавиться от жажды. Он совсем не сложный и всегда помогает. Достаточно лишь ритмично покусывать кончик языка. А вот с головной болью сложнее: способ-то знаю, но он никогда не срабатывает.

В тенечке и о главном можно подумать. Итак, я куда-то попал. Как и зачем – не знаю, да и не так уж это важно в данный момент.

Ну попал и попал. Не страшно. Пока, во всяком случае. Страшновато – это когда шторм и обледенение. Вода за бортом минусовой температуры и не замерзает лишь потому, что соленая и все время в движении. С каждой новой волной

на палубе нарастает все больше льда, а тонкие тросы такелажа становятся похожи на прозрачные столбы. И необходимо с этим как-то бороться: с помощью ломов и чьей-то там матери. А еще следить за тем, чтобы тебя самого с очередной волной не смыло за борт. Правда, за бортом и воды-то нет, только миллиарды перекатывающихся тоненьких ледяных иголочек. И спасти никто не сможет – просто нереально. А если со льдом не бороться, то и до оверкиля недалеко.

Страшно бывает и тогда, когда остаешься вдвоем с водилой в сломавшейся машине на зимнике, по которому почти и не ездит никто, раз в три-четыре дня, если повезет. На улице ночью под шестьдесят, и вся надежда только на то, что двигатель не заглохнет и топливо не закончится. Костер не поможет: пока спереди все обгорать будет, сзади все обморозится, и наоборот.

Здесь же красота: солнце, море, на соседнем кустике финики растут. Ну, может, и не финики, но очень похожи.

Сейчас мне не страшно, а просто-напросто обидно. Где мои водонепроницаемые милитари, где раскладной нож с множеством лезвий (даже пила и напильник имеются)? Где, спрашивается, жилет с огромным количеством карманов, наполненных всякими полезными вещами? В конце концов, где мой замечательный охотничий нож из стали превосходного качества, сделанный на авиазаводе? С наборной рукояткой из кусочков бересты, благодаря которой рука не мерзнет на морозе и не скользит от крови и жира...

Да что уж там, тросов – и тех не оставили.

Я внимательно осмотрел себя. Как будто бы все на месте, все мое и ничего не изменилось. Черт, могли бы и добавить кое-где, кто ж из нормальных мужиков об этом втайне не мечтает? Это я о бицепсах.

Так, а может, изменения чего-то другого коснулись? Начнем с ума. Семью восемь – пятьдесят шесть. Пятью девять – сорок пять. Тринадцать на шестьдесят девять... Скучно. Вывод – ум по-прежнему острый. Может быть, я теперь летать умею, и стоит попробовать? Я рассмеялся, представив, что голышом бегу по кромке прибоя и усиленно машу руками.

Голова почти прошла. Только ощутимо жгло плечи.

Интересно, а вдруг у меня цвет глаз изменился? Только зрачки трогать не нужно, не приведи господь, вертикальными станут. Это у покойников они такие. Перед тем как делать реанимацию, надавливают с двух сторон на глазные яблоки: если зрачки становятся вертикальными, то нет смысла делать искусственное дыхание и массаж сердца. Нет, не хочу зрачки, как у жмура. Хочу белокурые волосы. Я отращу их подлиннее, и, когда побегу навстречу любимой девушке, они будут красиво развеваться на ветру.

Выдрав парочку волосинок, я убедился, что и с шевелюрой все без изменений. В принципе можно было и не драть волосы на голове, они не только там растут и везде одинакового цвета. Зато еще раз убедился, что не сплю.

Ну и что мне теперь со всем этим делать?

Перво-наперво, водицы необходимо испить, чистой и холодной. А затем? Сложный вопрос, но ответить на него все же можно. Необходимо куда-нибудь идти и обязательно куда-нибудь прийти. В принципе все, что я вижу, не очень отличается от того, что привык видеть раньше. Не дома, конечно, – в тропиках. Если быть точнее, то в субтропиках. Правда, краски здесь ярче, чем те, к которым я привык. Ярче выглядит море, небо, зелень деревьев... Прямо как на рекламных буклетах, зазывающих туристов на заморские курорты.

Как стемнеет, появится возможность определить по звездам, в каком полушарии я нахожусь. Но в любом случае сначала нужно найти воду. Решив, что в воде для начала неплохо просто посидеть – слишком уж горят плечи, – я вернулся к морю.

После водных процедур стало легче. Вода оказалась не такой соленой, как в Тихом океане, но и не слишком пресной, если сравнивать с Каспием.

Ну и в какую же сторону мне сейчас направиться? Если это остров, то я в любом случае вернусь сюда, мимо точно не пройду – больно уж вершина приметная у скалы, уходящей в море, на голову сфинкса похожа. Вряд ли где-нибудь найдется что-то похожее: природа не любит повторяться.

Чисто по-мужски хочется пойти налево, еще бы разобраться, где это самое «лево» находится... Встанешь спиной к морю – с одной стороны, повернешься – соответственно с другой получается. Подойдем к делу с практической сто-

роны. Если я пойду навстречу солнцу (которое, кстати, уже низко над горизонтом, значит, дело близится к закату), то оно будет все время слепить мне глаза. Отправлюсь в другую сторону – будет жечь плечи. Ну с этим легче, достаточно посмотреть вон на тот куст с яркими синими цветочками. Листья на нем такие большие, что вполне прикроют не только плечи, но и много чего ниже. Не помешало бы еще и одеждой обзавестись, хотя бы немудреной набедренной повязкой из травы – слишком уж некомфортно в полном неглиже и с плащом на плечах. Надеюсь, найду по дороге что-нибудь подходящее.

Напиться мне удалось значительно раньше, чем набрести на источник воды. Неподалеку я обнаружил кокосы, которые не отличались от привычных мне ни формой, ни цветом, ни вкусом.

С насущными делами вроде бы худо-бедно разобрался. Теперь нужно войти в боевой транс, абстрагироваться от окружающей действительности и топать, топать, топать до самой темноты. Только как в этот самый транс войти? Как говорят мудрые люди, нужна какая-нибудь ключевая фраза. Ей может быть любое подходящее предложение, повторяемое много раз подряд.

Займемся аналитикой. Где я себя обнаружил? У самой кромки прибоя. Вывод: я Афродит. То, что не Афродита, каждому с первого взгляда ясно – я все еще без одежды, да и не брит. Железная логика, всегда ею отличался.

Теперь смело в дорогу. Поправим плащ, зажмем кокос под мышкой – и в добрый путь, сэр Афродит.

– Афродит Пенорожденный, Афродит Пенорожденный, Афродит Пенорожденный. Аф... А-а-а!

Черт, больно-то как – большим пальцем о камень. Обуви у меня ведь тоже нет. Но, что самое обидное, я еще не успел войти в транс. Придется обойтись без заклинаний, главное – под ноги смотреть.

Я брел до самого заката, внимательно рассматривая окрестности. И не обнаружил ничего такого, что могло бы мне объяснить, куда я попал.

Здесь очень красиво. Даже песок светлый, почти белый. Вот, помню, гулял я как-то по пляжу одного из Курильских островов, со стороны Охотского моря, так там песок был практически черным... На дворе в то время стоял июнь, солнце с небес жгло немилосердно. И после пары десятков шагов нужно было заходить в море, чтобы остудить прямо-таки горевшие ступни. В холодной воде ноги быстро начинали неметь. Еще пара десятков шагов по раскаленному песку – и снова в воду. А обуваться не хотелось... Вечером я обнаружил, что ступни покрыты множеством мелких темных точек, там, где кожа была обожжена...

Кстати, тогда на берегу и в прибрежных волнах было множество разнообразного мусора, всяких там обрывков газет и обломков ящиков, по большей части с японскими иероглифами. А ведь на том острове, название которого я сейчас

и не вспомню, отсутствовали поселения, если верить карте. Зато там было очень много медведей, прямо медвежий заповедник. Вспомнив об этом, я начал тревожно оглядываться по сторонам. К счастью, никаких животных я не обнаружил. Мусора, впрочем, тоже.

Когда окончательно стемнело, я испытал настоящее потрясение. Такого неба у нас нет. И дело даже не в созвездиях. Звезд очень много, и они такие крупные и яркие, что сейчас светлее, чем в полнолуние. Темно-синее ночное небо и огромные звезды. Нет, это может быть все, что угодно, но только не Земля.

Я неподвижно сидел на камне. До этого момента все казалось значительно проще и легче: в глубине души все еще теплилась надежда, что я на родной планете. Я тешил себя мыслью, что очутился хоть и непонятно где, но все же на Земле. Согласен был даже в прошлое попасть, ведь там все знакомо и понятно, все известно на века вперед.

Теперь же нет никаких сомнений: это чужой мне мир. Только сейчас я до конца осознал значение слова «безысходность». И что мне теперь со всем этим делать? Кто-нибудь поинтересовался моим мнением? И нужно ли мне все это? Зачем я вообще тут очутился? Что или кто меня здесь ожидает? Какие-нибудь разумные ящерицы?

А может, цивилизацией здесь еще даже и не пахнет? Во время своего недолгого вечернего путешествия я не обнаружил никаких свидетельств разумной жизни. Ни обрывков се-

тей, ни закругленных водой досок, ни пластиковых бутылок – ничего. В общем, совершенно никакого мусора, неизбежно присутствующего на морских берегах самых удаленных уголков нашей планеты.

Ничего, не будем отчаиваться. Вполне вероятно, что эту землю все еще топчут разнообразные динозавры, а значит, подобным следам цивилизации здесь неоткуда взяться.

Утром повеял легкий ветерок со стороны моря. Ну ночью я не замерз – и на том спасибо. Настроение немного улучшилось, когда над горизонтом поднялось местное светило – оно-то как раз ничем не отличалось от нашего земного солнца: ни светом, ни теплом, ни чем-либо еще.

Все, хватит нытья и соплей, ты жив, здоров и оказался не посреди бескрайней песчаной пустыни, где слишком мало воды и слишком много тепла. У моря все же трудно умереть с голода, да и само добывание пищи не должно занять много времени.

В общем, все не так уж и плохо, с какой стороны ни посмотри. Главное, чтобы здесь оказались люди, разумные и не слишком отличающиеся от тех, что я привык видеть. Будет много хуже, если разумными вместо людей окажутся какие-нибудь драконы. И что мне в таком случае делать? С кем я тогда буду сливаться в любовном экстазе? Драконы вроде бы из змеиной породы, а значит, вонять от них должно, как от змей. Не очень-то радужная перспектива.

Я снова отправился в путь. Через пару часов ходьбы я

увидел на самой линии горизонта маленькое белое пятнышко паруса. Нет, я не мог ошибиться. Конечно, с моего места невозможно было разобрать, что собой представляет суденышко. Но это и неважно. Главное то, что разумная жизнь здесь есть.

Парусник направлялся в ту же сторону, что и я. Что это: яхта местного богача или просоленное всеми ветрами рыбацкое суденышко? Даже количество мачт не удастся определить – слишком большое расстояние. Эх, шел бы он ближе к берегу, тогда бы я сумел разобрать, кто на нем находится... Как бы хотелось, чтобы это были именно люди!

Позади был еще один день пути по бесконечному песчаному пляжу. Только в двух местах мне пришлось удалиться от берега, обходя прибрежные скалы. На одной из таких скал мне удалось убить камнем какое-то морское животное, похожее на морского котика, правда, шкурка его отливала синевой. Мясо есть оказалось невозможно, слишком отдавало рыбой, а вот шкурка для моих целей вполне подошла. Теперь у меня была шикарная набедренная повязка. Полночи ею занимался, соскабливая камнем мездру. мех котиков – самый стойкий из ценных шкурок и сохраняет свои свойства больше ста лет. Надеюсь, что мне он на такой срок не понадобится.

Я шел и думал о том, что так и не позвонил Светлане, своей подруге. Что мне стоило самому номер набрать? Вот всегда так: тяну, тяну, а потом все равно звоню первым. Ко-

гда мы теперь сможем увидеться, да и удастся ли это вообще? Всем хороша девчонка: и стройная, и симпатичная, только вот немного глупая. А все потому, что пытается меня изменить, хотя уже больше года прошло, как мы встречаемся. Ей давно пора понять, что это просто нереально. Может, я и сам бы рад измениться, да ничего не выходит. Все тянет куда-то, все на что-то посмотреть хочется. Вот и дотянулось, вот и дохотелось.

В надежде увидеть пролетающие самолеты или хотя бы инверсионные следы от них, я то и дело поглядывал на небо. Но тщетно: кроме чаек и мелкой пернатой живности, ничего не наблюдалось. Птеродактилей не видно – и то радость. И папоротники здесь нормальные, всего лишь раза в два выше мне привычных. Когда жили всякие там диплодоки, папоротники повыше этих пальм вырастали, со школы помню.

На языке одних моих знакомых такая ситуация называется «конкретное попадалово». Ага, куда уж конкретней. И то, что конкретно, и то, что попал. Вдруг у них здесь еще работорговля процветает? В таком случае я как нельзя кстати придусь: и молодой, и к занятиям с железом склонность имею, потому и хиляком не выгляжу. Плюс ко всему, языка не знаю, дурак дураком в местных обычаях, и заступиться некому.

Нет уж, рабом быть не хочу. Их бьют, кормят плохо. Поди, еще и работать заставят. Лучше сразу в бега податься. С голоду явно не умру. Побродил по мелководью минут двадцать

– и все. Тут тебе и крабы, и осьминожку можно рогатиной ко дну прижать, и у морских ежей икра вполне съедобная. А уж про рыбу и не говорю – с ней все ясно: чем ярче и разноцветней у нее чешуя с плавниками, тем больше шансов на ядовитую или несъедобную нарваться. Это не одно и то же, как и у грибов. Главное – в воде бродить осторожно, кораллов здесь очень много, можно и ногу серьезно повредить.

И лес мне нравится: и фруктов полно, и ягод. Живности опять же всякой хватает. Ну все как у нас.

Только не хочу я здесь быть. Домой хочу, к Светке. Да еще и Новый год на носу, а мы такую тему замутили насчет отдыха...

Опять же огонь бы неплохо добыть. Вариантов, как его получить без спичек и зажигалок, я знаю не меньше, чем товарищ Бендер – способов честного отъема денег у населения. Ни один из моих способов, правда, пока не сработал. Хотя я не особо и старался: ну получу раз – и что потом, с корзиной ходить, как у Рони-старшего?

Зато я нашел стручки, мясистые такие, красновато-желтого цвета. Отдельно их есть не станешь, довольно жгучие на вкус, но если размять на камне хорошенько, а затем кусочки рыбы, пусть и сырой, макать в полученную кашу... Вполне съедобно получается и ничуть не пресно. Главное, что у меня нет отторжения организмом той пищи, которую я здесь успел употребить.

Единственное, что мне в этом мире понравилось, так это

то, что загар отличный успел приобрести, ровный такой и коричневый. Только вот на плечах кожа уже облезать начала. Вот бы домой в таком виде заявиться, в декабре-то. И еще звездное небо очень красивое, часами можно любоваться, если бы не тоска, которую оно на меня наводит. Чужое оно, на психику давит. Днем еще ничего, идешь, как у себя дома, где-нибудь в окрестностях той же Анапы. Отличия-то, конечно, есть, но не такие, чтобы это сразу в глаза бросалось. А домом своим я теперь всю планету Земля считаю.

По ночам я идти не отваживался: насколько помню, почти все хищники ночной образ жизни ведут. Я вообще старался держаться ближе к воде, чтобы в случае опасности успеть до нее добежать. Расчет был на то, что дикие звери за мной в воду не полезут. Хотя черт их знает, какие они здесь и что у них на уме. Пока я ничего крупнее кошки не видел и видеть не хочу. Плохой из меня натуралист, больше о собственной шкуре думаю, которая дорога хотя бы как память о прежней жизни.

К вечеру четвертого дня берег начал меняться, становясь все более каменистым. И все чаще мне приходилось отдаляться от моря, чтобы обойти очередную грудку скал. Еще через день далеко на горизонте появились синие призраки гор. Похоже, это все-таки не остров или, по крайней мере, огромный остров. Все эти дни солнце на закате светило мне в затылок, а пройти я успел довольно приличное расстояние.

Паруса больше не попадались, как не попадалось и ни-

каких следов разумной жизни. Обычно, если есть возможность, люди стараются селиться на берегах морей, тем более таких теплых. Море прежде всего – это неиссякаемый источник пищи, да и переправить по воде можно много больше, в отличие от всех остальных способов транспортировки. Даже в наше время водный транспорт остается самым дешевым видом перевозки грузов. Но... все по-прежнему оставалось пустынным.

Но я же видел парус своими глазами, и это не было наваждением. Ау! Где вы, черт бы вас всех побрал!

В сумерках я забрался на каменный утес, с высоты которого открывался отличный обзор. Забрался с одним-единственным желанием – увидеть огни поселений, на худой конец, отблеск одиночного костра. Нет, ничего, только звезды, такие близкие, что казалось: подпрыгни – и достанешь рукой. Как же меня достала красота холодных бездушных огоньков в темно-синей ночи!

Глава 2

Р-р-р!

На седьмой день пребывания в этом мире, ближе к полудню, когда местное светило находилось практически в зените, я увидел дым. Вертикально поднимающуюся беловатую слабую струйку дыма. На море царил полный штиль, водная гладь была похожа на зеркало: ни малейшего дуновения ветра.

Я только что поздравил себя с удачной рыбалкой, умудрившись добыть три довольно крупные рыбыны в месте впадения в море мелкой речушки, в луже, отрезанной от основного потока полоской суши. Проваливаясь по колено в топкую грязь, я гонялся за «жертвами» по всей луже и измазался не хуже последней свиньи. Но выловил все три и теперь сидел, задумавшись, что мне делать со всем этим богатством. И съесть не успею, и выкинуть жалко, и впрок не запасусь. Рыбины рядком лежали передо мной, все еще грязным, и изредка били хвостом. Грязь быстро превратилась в сухую корку на теле и начинала тянуть кожу. Все, сначала вымоюсь в замечательной пресной воде, а уж затем приму мудрое решение.

Отмывшись от грязи и так и не придумав ничего путного, я и заметил тонкую струйку дыма за одним из ближайших холмов, заросших густой растительностью. Я не мог пове-

ритель глазам. Дым! Надеюсь, я наконец-то выясню, кто здесь живет и с кем мне придется иметь дело. Гуманоиды, разумные страусы или еще какая-нибудь живность, умеющая пользоваться огнем.

Только осторожно, Артур, очень осторожно. Неизвестно, как на тебя отреагируют. Чем первобытнее эти люди (если это, конечно, люди), тем больше у тебя шансов украсить собой праздничный обед, став его главным блюдом. В дремучие времена и на Земле такое практиковалось повсеместно, об этом все археологи говорят. И дело было вовсе не в голоде. Впрочем, какая теперь разница в чем. Главное – не попасть в котел, на вертел или еще куда.

Нет, рыбу я, ясное дело, ни за что не оставлю: а вдруг там брошенный кем-то горящий костер. Тогда я зажарю рыбины, и черт бы меня побрал, если хотя бы не надкушу их все.

Прокравшись на вершину холма, я осторожно раздвинул ветки кустарника, сплошь покрытого плодами иссиня-черного цвета величиной со сливу. Пробовал я их уже, эти сливы. На вкус довольно приятные, только вот после них во рту вяжет.

Со своего места мне удалось рассмотреть хижину (домом назвать это строение язык бы не повернулся), слева от нее – навес, чуть поодаль что-то, похожее на сарай из жердей. Дальше – еще один навес с чем-то, похожим на коновязь. Пустой загон, огороженный плетнем. Грядки, опять грядки и снова грядки. Ближе ко мне, у самого подножия холма – це-

лое поле, с едва проклюнувшимися из земли всходами непонятных растений. А на одной из грядок определенно капуста, тут никакого сомнения нет. И не какая-нибудь брюссельская или кольраби, а самая что ни на есть белокочанная, уж в этом-то даже я понимаю.

Ну вот и аборигены. Девочка, совсем малышка, годков пяти-шести, не больше, в рубашке до пят. Мальчишка лет на семь ее старше, в явно коротковатых штанах и женщина моих лет в платье почти до самой земли. Вроде выглядят, как обычные люди, никаких тебе хвостов или длинных ушей. Только одежда у них похожа на наряды из исторических фильмов. Мужчин не видно, но это не значит, что их нет. Может, они как раз в этот самый момент ко мне сзади подкрадываются. От таких мыслей я резко обернулся и застыл, прислушиваясь. Нет, как будто бы все тихо, никаких шорохов, и ветки нигде не потревожены. Ветра нет, так что сразу понятно будет, если кто приблизится.

Прождав около часа, я решил сам себя обнаружить. Вид у меня, правда, был тот еще, ну так что теперь. Легенду я заготовил себе заранее, времени было предостаточно.

Спустившись с противоположной стороны холма и обойдя его, я неспешным шагом направился к замеченным мной людям. Дождавшись, пока они меня увидят, застыл в ожидании их дальнейшей реакции.

Реакция была в общем-то вполне понятной. Никто не бросился ко мне навстречу с радостными объятиями, не пал ниц

и не потащил за руку к накрытому обеденному столу. Малышка спряталась за женщину, вероятно за свою маму. У мальчишки в руке появился нож с длинным, сантиметров тридцать, лезвием. Сама женщина вооружилась топором на длинной ручке. А чего еще я хотел? Достаточно было просто на меня поглядеть. Голый, в куске шкуры, обернутой вокруг не очень могучих чресл. С добытой рыбой в одной руке и длинной палкой в другой. Ах да, не стоит забывать еще и о всклокоченной шевелюре и недельной щетине.

Они настороженно молчали. Я тоже ничего не говорил и продолжал топтаться на месте. Пусть немного привыкнут к моему виду. Вроде люди как люди, женщина так вообще очень даже ничего выглядит. Немного подождав, я решил сам проявить инициативу.

Указав на рыбу, я постарался объяснить жестами: две штуки вам, а оставшуюся можно было бы испечь в очаге для меня. Они явно поняли, это заметно, но в их поведении ничего не изменилось. Тогда я начал рассказывать о своих вымышленных невзгодах, сопровождая легенду жестами.

Я плыл на корабле. Потом был жестокий шторм, и меня смыло за борт. Чтобы не утонуть, мне пришлось остаться без одежды, которая только сковывала движения в воде и тянула ко дну. В процессе объяснений я даже снял мнимые часы с левой руки, успев при этом подумать, что на дворе явное Средневековье, и мой жест может быть для них непонятен. Но потом успокоил себя тем, что часы примут за массивный

золотой браслет, который отягощал мою руку, мешая загре-
бать. Значит, они подумают, что до этого я был человеком
состоятельным и меня нельзя прогнать вот так сразу, не поз-
волив даже воспользоваться огнем их очага.

А шторм действительно был, и случился он перед самым
моим прибытием. Даже человек, ни разу не бывавший на мо-
ре, сразу смог бы понять это по длинным спутанным водо-
рослям, выброшенным волнами на берег, и по мелким ры-
бешкам, валяющимся у самой воды.

Всю свою пантомиму я сопровождал рассказом, стараясь
говорить убедительно. Ясно, что они не поймут, но уж ин-
тонации-то не зависят от знания языка. Если, конечно, они
здесь не свистят по-птичьи или, к примеру, не являются те-
лепатами, понимающими друг друга без слов. Вот тогда мне
точно придется несладко – мои мысли были слишком воль-
ными, больно уж фигурка у женщины была хороша.

Но нет, видимо, они ничем от обычных людей не отлича-
лись.

Женщина что-то сказала мальчишке. Тот переспросил ее
с недовольным видом, но все же подчинился и пошел в дом,
напоследок окинув меня не самым дружелюбным взглядом.
Голос у незнакомки оказался вполне мелодичным, да и язык
не был похож ни на карканье, ни на вой. Обычный такой
язык, немного певучий, только вот совсем непонятный.

Женщина отвлеклась на мгновение, посмотрев куда-то в
сторону, и я успел показать выглядывающей из-за ее юбки

малышке язык. Девочка мгновенно спряталась за маму, но в следующий миг показалась снова и скорчила мне милую рожицу. Еще она оттянула пальцами оба уха. «Черт, совсем как наши дети», – подумал я и не смог сдержать улыбку. Мама обнаружила смешные кривляния девочки и быстро перевела взгляд на меня. Это было так неожиданно, что я даже не успел снова напустить на себя серьезный вид. Женщина сказала что-то дочери назидательным тоном, но та показала язык и ей.

Из хижины все с тем же недовольным видом появился мальчишка со свертком в руке и швырнул свою ношу мне под ноги. То еще воспитание... А что я хотел, это вам не отец с войны вернулся. В свертке оказались штаны и рубаха, оба предмета одежды – из грубой домотканой материи.

Черт его знает, как здесь выражают благодарность. Я прижал руку к сердцу и слегка поклонился. Поняли меня, ну и ладушки.

Женщина жестом показала, что для переодевания мне нужно идти за дом. Облачившись в новый прикид, я попытался оглядеть себя со всех сторон. А что, вполне. Правда, штаны коротковаты и рубаха безразмерна, но это не страшно. Мне показалось, что я даже сильнее себя почувствовал.

Когда я вышел из-за дома в новом образе, женщина уже разделывала мою рыбу огромным ножом на столе под навесом. Потом мы все вместе пообедали. Правда, хозяева сидели по другую сторону стола, но какая мне разница? Похлебка

из овощей, жареная рыба и кусок лепешки из странной муки грубого помола. Я даже не припомню, когда мне в последний раз приходилось так вкусно есть.

После обеда я помогал женщине по хозяйству. Забрал из ее рук топор, когда она захотела нарубить хворост. Перемолот зерно на ручной мельнице. Принес воду ведрами из родника, который находился поблизости. Сходил за хворостом, набрал огромную связку. И даже успел немного поправить крышу.

Мужских рук в доме явно не хватало, это всегда заметно. И дети от разных отцов, не ошибешься.

Но мое ли это дело? Они меня накормили, одежонку какую-никакую дали. И пусть мальчишка все еще хмурился и неприветливо на меня косился, так вроде бы ему и не за что меня благодарить.

Я даже успел выучить пару незнакомых слов. Язык оказался не слишком сложным, не было в нем таких непроизносимых вещей, как, например, «кетцалькоатль» или «тлауискальпантекутли». Если бы меня спросили, на какой язык он больше всего похож, то я бы, не задумываясь, ответил, что на итальянский. Но только в том случае, если бы жители Апеннинского полуострова перестали тараторить. Правда, сам я итальянского не знаю совсем, и единственная фраза, что сразу приходит на ум, звучит так: кретино феномено.

Когда-то преподаватель английского на вводной лекции говорила, что изучение иностранных языков легче всего да-

ется тем, у кого хороший музыкальный слух. Не знаю, насколько она была права, но на отсутствие слуха пожаловаться я явно не могу. Да и что тут особенно сложного, если дом называется «брубер», а, к примеру, рука – «чилса».

Грассировать или в нос говорить тоже не нужно. Думаю, что смогу освоить. Все же не тлауиска... как там дальше... Конечно, и в моем языке дом можно назвать жилищем. И пусть кто-нибудь, кто никогда не подозревал о существовании такого звука, как «щ», попробует все это выговорить. Но меня пока необычными словами не удостоили. И прекрасно, обойдусь как-нибудь.

Еще я успел выяснить, что мальчишку зовут Стрегором, а девочку – Карминой. Хозяйка звалась Аниатой. Моим именем никто не поинтересовался, я же навязываться особо не стал.

Уже в сумерках, после вечернего чая, если можно так выразиться, Кармина, время от времени показывающая мне исподтишка язык, подошла знакомиться.

Бойкая девчонка сначала что-то лепетала, затем, судя по интонации, задала мне вопрос. Поскольку буквально перед этим прозвучало «Кармина», я решил, что наконец-то у меня спрашивают имя.

– Артур, – представился я.

– Артуа-р-р-р, – засмеялась она.

– Не Артуа-р-р-р, а Артур, – поправил я ее.

Она засмеялась еще сильнее. Затем согнула пальчики на

руках, словно показывая когти, и стала клцать зубками, как будто собралась кого-то разорвать и съесть.

– Артуа-р-р-р, – и убежала, все еще продолжая рычать.

Аниата постелила мне под навесом, сделав это как само собой разумеющееся. Она выделила мне набитый сухим сеном тюфяк и кусок грубой ткани вместо одеяла. Вот и славно, куда мне на ночь глядя, пусть и в новеньком наряде? Однако нервы, уже и стихами заговорил...

Я долго ворочался перед сном, хотя и лежать было очень удобно – все-таки не на песке, пусть и теплом, скрючившись в позе эмбриона, – и смотрел на звездное небо. Все-таки оно очень красивое. Только вот Луны я за все это время ни разу не видел, хотя погода была ясная. Еще одно доказательство, что я не на своей родимой планете. Даже если с большой натяжкой предположить, что звезды могли измениться, то уж спутница Земли никуда бы не делась. Отчего-то вспомнилось, что вроде бы Луна – это осколок Земли, отделившийся от нашей планеты из-за столкновения с метеоритом. Только вот не помню, гипотеза это или научно доказанный факт. Да и какая теперь разница?

Почему-то подумал о Светке. Как она? Вокруг нее постоянно кто-то вертится. Наверное, она решит, что я опять куда-то рванул, даже не предупредив, всерьез обидится, а там...

Утром я проснулся от рычания над самым моим ухом:
– Р-р-р-р!

Убедившись, что я открыл глаза, довольная Кармина убежала. Так, стол уже накрыт и меня к завтраку ждут. Вот спасибо, и не надеялся даже. Быстро умывшись, я отправился к остальным.

На завтрак была каша из зерен, напоминавших кукурузные, но со вкусом пшена. Черт, а я и не знал, что каша без всяких намеков на масло и сахар, да еще на завтрак, – это так вкусно.

Что это у Стрегора глаза такие красные? Ага, понятно, не выспался. Всю ночь, поди, караулил, чтобы я все их богатство не спер. А тут есть что брать. Одних коз штук пять, козел и еще козлят парочка. Куры опять же. Да и под навесом возле печи горшки с ухватами. Им еще и полусотни лет нет. Ну что тут скажешь? Молодец, мужчина растет.

За завтраком Аниата назвала меня Артуа. Хорошо, пусть будет так, не Пантекутль же какой-нибудь, в конце концов. Вообще-то я мог бы и Афродитом назваться, если бы эти козлы, или кто там еще, сделали бы меня длинноволосым блондином. А так несоответствие получается. Я же люблю, чтоб во всем логика была.

Судя по всему, прогонять меня никто не собирался. Да и зачем? Прокормлю себя как-нибудь, заодно и по хозяйству помогу. Вспомнилось, что один мой знакомый каждое лето брал себе на фазенду работника-бомжа. Тот вкалывал у него за еду и стакан водки вечером, больше ему ничего и не требовалось. Ну еще обноски получал. Разговорился я с ним

однажды, про жизнь свою он мне рассказывал. Всю жизнь в Донбассе проработал: и проходчиком, и горноспасателем, а потом вот так все обернулось. Еще говорил, что ему чуть было Героя Труда не присвоили.

Так что работай, Артур-Артуа, кормить тебя здесь кормят, обноски опять же выделили, водку ты и сам не будешь. А героической биографии шахтера у тебя все равно нет.

Если смотреть на мое положение серьезно, то лучшего развития событий для меня и вообразить трудно. Как это у шпионов называется? Даже термин специальный есть, забыл только. Адаптируешься в новом обществе и социально акклиматизируешься, да и язык легче учить с полным погружением в языковую среду.

Интересно, на какой социальной ступени я сейчас нахожусь? Да и какие они вообще здесь бывают, эти ступени? Но как бы то ни было, я все равно очень благодарен этим людям. Работать буду, пока никуда не пойду.

И я работал. Трудился с утра до поздней ночи. Работы было много, и вся она – из разряда тяжелой физической. Не представляю даже, как они без меня справились. А может быть, я и сам для себя искал занятие.

Домишко представлял собой сплетенный из прутьев каркас, обмазанный глиной вперемешку с соломой. Наверное, при здешнем климате этого было достаточно. Местами глина обвалилась, обнажив прутья, и в одном из углов образовалась приличная щель. Несложная работа – все это испра-

вить, да вот только глину приходилось таскать издалека. Покрылся навес, загон для коз тоже требовал ремонта, да и много еще чего нужно было сделать, пусть и по мелочам. Курятник опять же подправить нужно: он особенно крепким должен быть, чтобы ни один мелкий лесной хищник не мог в него проникнуть. Судя по тому, что имеющиеся в хозяйстве у Аниаты козы свободно пасутся в лесу, крупных-то хищников здесь нет, иначе давно схарчили бы они рогатых животных за милую душу.

И все это помимо повседневных мелких дел. Хворост, грядки, вода для полива, поле ухода требует. Я даже козу доить пробовал, пока меня Анюта (так я однажды случайно ее имя переименовал, а потом уже привык) со смехом не отогнала.

После второго ночного бдения Стрегор уснул прямо за завтраком и с тех пор перестал меня караулить. Правда, первое время он еще продолжал поглядывать на меня с подозрением, затем успокоился. Особенно после того, как я починил старые верши, и мы с ним на рыбалку ходить начали. На ту самую речку, где мне пришлось хряка из себя изображать, барахтаясь в луже грязи.

От Анютиного дома до моря было рукой подать. Но если бы я в свое время пошел вдоль самого берега, то и знать бы не знал, что рядом живут люди, – стена деревьев была слишком плотной и надежно скрывала домишко со стороны моря. Видно, какая-то своя логика была у человека, который выбирал место для строительства.

Маленькая Кармина стала моим учителем языка. Как это происходило? Покажет она пальчиком на какой-нибудь предмет и скажет название. Я повторю за ней. Ей смешно, она несется с веселыми криками к матери, чтобы пересказать, как этот глупый дядька вещи называет неправильно.

Спал я под навесом и внутри хибары ни разу не был, хоть и успел уже стены в порядок привести. Да и чего я в этом домишке забыл? Единственная комната площадью примерно десять – двенадцать квадратных метров, разделенная пополам перегородкой из жердей. Стол, три лежанки, вешалки с какой-то одежкой и пара-другая полок. Больше там и не было ничего, через открытые двери видно.

Вот так в работе и забывался. Чем еще от всяких навязчивых мыслей отвлечься можно? Лучший способ. Есть, конечно, средство и получше, но как-то не складывалось. Аня – женщина симпатичная, с хорошей фигурой. Руки вот только натруженные, видно, что всю жизнь она работает, и работает физически. А так очень даже ничего, такая грация в движениях присутствует, непонятно даже, откуда что берется.

Я в общем-то никогда вниманием прекрасного пола обделен не был, но вот не случилось до сих пор у нас с ней, и все тут.

Поздним вечером, после обязательного вечернего чая, вернее, заменяющего его здесь бадана, растения с мелкими ярко-красными бутонами, я повалился на свой тюфяк и принялся размышлять.

Хозяйство у Анюты бедное, оно и понятно: одна она, без мужа. Но суть не в этом. Все равно даже по бытовым предметам можно хотя бы приблизительно определить уровень развития цивилизации.

Взять, например, мой мир. Понятно, что у людей обеспеченных есть все, и вещи эти очень дорогие. Но если заглянуть в любой дом, даже в тот, где живут люди с довольно низким достатком, там ведь тоже много чего найдется: и телевизор, и утюг, и кофемолка, и магнитофон какой-нибудь, в конце концов. Конечно, все дешевенькое, не огромная панель на всю стену и не тостер со встроенным пылесосом.

Так вот, в доме Аниаты не было ничего, хоть косвенно указывающего, что цивилизация ее мира достигла каких-то высот. В сравнении с земным обществом, конечно. А с чем мне еще сравнивать? Парус, само собой, не в счет. Под парусом и у нас многие ходят и получают от этого больше удовольствия, чем от скоростных скутеров.

Теперь голые факты.

Швы на одежде были сделаны вручную, а не на швейной машинке. Да и все остальные предметы – от топора до ножа – явно ручной работы. Есть вещи железные, стальные, медные, оловянные. Но нет ничего такого, что говорило бы о более высоком уровне развития. Вряд ли Аниата с детьми живут в отрыве от всего остального мира. Пусть даже так, что очень сомнительно, но, по крайней мере, шесть-семь лет назад контакты с внешним миром у нее были, судя по возрасту

дочери. Вчера вечером, когда мы собирались пить вечерний чай, она накинула на плечи цветной платок, который выглядел достаточно новым. Кстати, и бусы у нее вчера на шее имелись, из красного стекла. К чему бы это? Так, отвлекся.

Видимо, эволюция и здесь происходит по тем же законам, что и у нас. А если это так, то напрашивается грустный вывод. Может, здесь уже и не Средневековье, но явно не позже земного девятнадцатого века. Иначе у них уж наверняка бы свой Зингер нашелся, впрочем, дело даже не в швейной машинке. Данных, впрочем, для выводов было маловато. Я немного полежал, гордясь собственной сообразительностью, затем продолжил размышлять.

Всю свою историю человечество только и делало, что воевало, воевало и еще раз воевало. В мое-то время военные конфликты не редкость, а уж в эти века... Мне не удастся отсидеться в этом богом и людьми забытом уголке, да и не хочется этого делать. Как бы то ни было, передо мной новый мир со своими особенностями, чудесами, сокровищами, тайнами и всем остальным-прочим. И так хочется все это увидеть. Если уж я здесь, значит, это кому-нибудь нужно, может быть, даже мне самому. И для того чтобы выжить здесь, мне придется освоить как минимум две вещи – выучить местный язык и научиться себя защищать.

Глава 3

Незванные гости

Разбирая в сарае хлам в поисках нужного мне металлического штыря для починки двери, я обнаружил обрывок цепи, вплавленный в кусок железа граненой формы. Отлично, о чем-то вроде этого я и мечтал. Анята пожала плечами: бери, вещь в хозяйстве бесполезная. Ну это кому как. Мне вот она просто необходима.

Так, теперь нужна рукоятка, равная длине цепи с биллом, и петля на ее конце. Я даже знаю, из чего ее сделаю. Есть у меня на примете кусок превосходной древесины, достаточно крепкой для таких целей. Когда-то нунчаками крутить довелось, так, для общего развития, – значит, не придется с чистого листа начинать. Во-первых, остались кое-какие навыки, а во-вторых, техника немного похожа.

Если подумать, то мой кистень, конечно, ничто против профессионального воина с клинком приличной длины. Что еще я мог бы противопоставить неприятелю? Неполный год занятий боксом да два года – спортивным фехтованием. Так когда это было? Еще в школе... И потом, бокс против меча или сабли – совсем не круто, а спортивное фехтование значительно отличается от махания тем же мечом. Ну что там дальше было? Недолго увлекался единоборствами, потом переключился на железо и решил, что этого будет вполне

достаточно для поддержания отличной формы. Н-да, негусто...

Теперь, отправляясь за хворостом или проверять ловушки, я обязательно брал с собой кистень. Пусть я приходил на целый час позже и весь взмыленный, но даже такие занятия давали мне хоть какую-то цель. А цель была одна: научиться обращаться с кистенем, просто научиться бить. Но бить точно и мощно. А что еще с ним можно делать? Может быть, парировать удары или даже вырывать оружие из рук противника. Кто бы меня еще научил, как это делается... Не сомневаюсь, откопай я среди хлама ржавую саблю, я тренировался бы с нею, но... нашлось то, что нашлось.

Я старался, чтобы никто не видел моих занятий. Когда человек моего возраста начинает постигать азы, это всегда смешно. И все равно чувствуешь себя намного увереннее, когда имеешь в руках хоть какое-то, пусть и примитивное, оружие. Необязательно же моим противником станет закаленный в боях мастер меча. Возможно, это будет обыкновенный бродяга, такой же славный боец, как и я, если не хуже.

С изучением языка дела у меня обстояли неплохо. Той неполной сотни слов, что я уже знал, вполне хватало, чтобы объясняться даже на такие тонкие темы, как кормление коз или необходимость принести охапку хвороста. Что характерно, понять смысл обращенной ко мне речи было значительно проще, чем самому выразить собственную мысль. Насколько я знаю, язык можно считать усвоенным, если можешь на

нем думать. Конечно, до этого было еще очень далеко, но даже Кармина все реже смеялась над моим произношением. А может, все дело было в том, что ей уже надоела новая забава.

Я не считал дни, проведенные в доме Аниуты, но прошло никак не меньше двух недель.

Утро обычно начиналось с того, что я приносил пару ведер свежей воды, затем выгонял пастись коз. Они отлично знали, где можно найти себе пропитание, и всегда возвращались домой к вечеру сами. Дальше – огород, грядки, поле, и все это в произвольном порядке. Обед, часовой отдых и опять фермерство до самой темноты. Ужин в сумерках и обязательное чаепитие перед сном.

Меня всегда интересовало, почему эта семья живет отдельно от всех и именно здесь. Должна же быть на это причина. Попытки расспросить Аниату ни к чему не привели. Когда она начала объяснять, я вскоре замахал руками, потому что не мог понять и половины. Все-таки в ежедневном общении мы пользовались в основном одними и теми же словами, такими же одинаковыми, как и то, что мы делали.

Нет, не получится у меня жить здесь долго, слишком все однообразно. Да и все здешние занятия ничего, кроме уныния, не вызывают: никогда не любил ковыряться в земле. Хорошо еще, что делать все это мне приходилось по собственной воле, а не по принуждению. Кто знает, как бы обстояли дела, попади я в другое место. До сих пор мне так и не удалось выяснить, где я, что это за страна, кто ею управляет. И

существует ли здесь, например, рабство. А как узнать, спрашивается, если я понятия не имею, как это слово звучит.

Я возвращался с очередной охапкой хвороста, раздумывая над тем, действительно ли Аниата строила мне сегодня глазки или это всего лишь мои домыслы. Пару моих попыток познакомиться поближе она решительно пресекла. Причем сделала это не то чтобы с отвращением, просто отстранилась мягко, но настойчиво, покачала головой и сказала: нет. Ну нет так нет. Бывали у меня периоды и подлиннее. Сегодня же она и поглядывала как-то по-особенному, и улыбки ее были не такие, как обычно.

Вот вечером и попытаюсь выяснить, так ли это или мне все же показалось. Сколько можно? Я же вижу, что совсем ей не противен. Да и она молодая здоровая женщина, к тому же очень даже милая. И думал я так не потому, что других женщин здесь нет. Я ее еще с бугра разглядел, когда наблюдал за ними, не решаясь приблизиться.

Подойдя к самому краю леса, я обнаружил, что под навесом, там, где я обычно сплю, стоят четыре лошади. Нет, ну что за дела, там же сейчас столько конских яблок будет, а еще мокро и вонюче. В доме всего три лежанки. Доступа к телу хозяйки я не имею, так что мне теперь, в курятник переселяться?

Интересно, кто это? Может, родственники навестить приехали? И как они на меня отреагируют? Вдруг Аниата уже монетки (вряд ли здесь есть бумажные деньги) пересчиты-

вает, полученные за удачную продажу молодого и сильного раба. Кстати, местных денег я еще в глаза не видел.

Лес подступал почти вплотную к хижине. Ну что же, поглядим, послушаем, а уже затем выводы будем делать.

Под навесом, рядом с очагом, где мы обычно обедали, сидели два крайне неприятных типа, которые занимались тем, что жрали и ржали, изредка поглядывая в сторону дома.

Странно все как-то. Так, теперь поближе к домику подберемся, стена со стороны леса глухая, никто в окошечко не увидит.

Из дома доносились гомон и смех, затем я услышал звук пощечины. И снова ничего не понятно, но точно не родственники с визитом нагрянули. Я осторожно заглянул на детскую половину – две лежанки, вот и вся обстановка. Пусто. Где же остальных два наездника? Ведь во дворе их тоже нет.

Попробуем забраться в дом через окно. Главное – не шуметь. Голоса были слышны рядом, в соседней части, отделенной перегородкой из прутьев. Если что-то пойдет не так – нырнем в окно, на улицу, дальше влево, в заросли. План отхода давно разработан, не один только хворост на уме был.

Осторожно заглянув через дверной проем, который был прикрыт занавесью из нанизанных на нитку кусочков тонкого бамбука, я увидел то, чего совсем не стремился увидеть.

На лежанке – Аниата, устремившая застывший взгляд в потолок и заранее закусившая нижнюю губу. Рядом – му-

жик, спускающий штаны и радостно скалящийся в предвкушении. Тут же и второй, внимательно наблюдающий за действием и явно рассчитывающий вскоре занять место первого.

Ну и при чем здесь я? Может быть, здесь так принято.

Когда я взглянул в противоположный угол, то сразу понял при чем.

В углу, прямо на полу, сидел Стрегор, прижимая к себе сжавшуюся в комочек сестренку, прикрывая ей ладонью глаза. Его взгляд светился ненавистью. Губы мальчишки были разбиты, а из носа тонкой струйкой бежала кровь, которую он даже не пытался вытереть.

«Вот скоты, по крайней мере, могли бы хоть детей выгнать», – подумал я. Словно желая опровергнуть мои слова, один из гостей с мерзкой улыбкой повернулся к Стрегору и что-то прокричал, указав рукой на лежавшую мать.

Насильники весело переговаривались друг с другом, двое других, сидящих под навесом, громко смеялись. Я понимал лишь некоторые слова, одно-два из десяти, но даже не пытался вникнуть в смысл. Ситуация выглядела привычной для этих людей, слишком уж свободно они себя здесь вели. Да и реакция Аниаты говорила о том же.

Впервые за все время моего пребывания в этом мире я оказался перед выбором. Все мое естество кричало о том, что нужно немедленно бежать отсюда. Ведь чтобы хоть как-то повлиять на происходящее, придется убивать людей, пусть и не самых лучших представителей человечества.

Конечно, Артик, ты можешь легко покинуть дом, так же тихо и незаметно, как и вошел, и дожидаться, пока они уедут. Вернувшись, объяснить, что испугался этих людей и решил переждать в лесу. И вокруг ничего не изменится, ничего. Только внутри тебя, в душе, появится немного гнили. Со временем ее будет все больше и больше. Затем она полезет наружу, и люди станут ее замечать. Так что думай. Думай.

Одним прыжком преодолев расстояние до ближайшего из насильников, я с размаху опустил било на его голову. Человек в помятой замызганной шляпе кулем рухнул на пол, даже не вскрикнув. Второй резко повернулся ко мне и успел подставить под удар руку. Било лишь слегка скользнуло по его голове. Я рывком заставил его развернуться и взял шею в захват.

Плечо и предплечье давили на яремные вены, перекрывая доступ к кислороду, а сзади, к затылку, было прижато предплечье левой руки. Теперь наклоняем его к себе и тащим, отступая. И душим так, как душат свою жертву удавы. Они на мгновение расслабляют свои объятия, чтобы затем сдавить еще сильнее. И так снова и снова, снова и снова. Отпустив на пол безвольно поникшее тело, я ударил кулаком в висок. Ничего нельзя делать наполовину, как говорят умные люди, и они, как всегда, правы.

Я метнулся к Анютке, ухватил ее под мышки и поставил рядом с лежанкой. Дави на нее, дави или садись и подпрыгивай. Делай так, чтобы она ритмично скрипела. Она у тебя

очень скрипучая, вечерами я отлично слышу со своего места, как ты ворочаешься перед сном, хоть и довольно далеко нахожусь. Она поняла меня. Со двора донесся довольный смех.

Фу, наконец-то можно перевести дыхание. Несколько минут я выиграл: те, во дворе, ничего не услышали. Их еще двое, а из меня воин как не скажу из чего пуля. Нельзя мне через дверь выходить, услышат. Воспользуемся уже проверенным способом.

Я осторожно выглянул из-за угла дома. Так, до мужиков пара прыжков, они сидят один напротив другого и весело ржут, прислушиваясь к ритмичному скрипу, доносящемуся из хибары. Один точно мой, добежать успею. И не промахнусь, руку достаточно набил, как знал. Ну на счет «три», а то как-то не по себе, их все-таки двое, оба при тесаках, и пистолеты на столе лежат.

Не выдержав, я рванул вперед на счет «два», заводя назад руку для удара. С разбегу удар получился такой силы, что брызнуло серыми с кровью ошметками. Второй мгновенно выскочил из-за стола, выхватив свой клинок, больше похожий на огромный мясницкий нож с гардой. И мы начали движение по кругу.

Сначала оставшийся «гость» поглядывал на домик и даже пытался позвать на помощь. Я тоже с беспокойством озирался на дверь. Не факт, что второй не сможет прийти в себя. С первым-то железно получилось, удар грузом такого веса

быку голову проломит.

Но на помощь никто не спешил, и мы продолжали кружить. Что-что, а уж чувство дистанции мне еще в секции бокса крепко привили, разрывать ее я не спешил, слишком уж зловеще смотрелся тесак в правой руке противника. Правда, нервничал мужик гораздо сильнее, чем я. Ну с этим-то как раз все понятно, он не самый крутой в их компании. Иначе, так сказать, право первой ночи было бы за ним.

Положение спас Стрегор, показавшийся в дверях хижины и запустивший в «гостя» тяжелой оловянной кружкой. Удар в спину вышел слабым, но хватило и этого. Мужик на мгновение отвлекся, отвернувшись от меня, да еще и в правую сторону, и я свой шанс не упустил. Все.

Нет, еще не все, в доме посмотреть нужно. Подхватив тесак в свободную руку, я бросился внутрь.

Бившаяся в истерике Аниата раз за разом опускала тяжелый пестик на лицо все еще остававшегося в спущенных до колен штанах насильника.

Все закончилось, девочка. Я с трудом оттащил Аниату от мертвого тела. Бандиты здесь действительно не в первый раз, и она испытывала к ним лишь ненависть. На мгновение я крепко прижал женщину к себе, погладил по голове и чуть подтолкнул в спину, направляя к Кармине. Малышка продолжала лежать в углу, плотно сжавшись в комочек и закрыв ручонками голову, словно пытаюсь защититься от жестокого мира.

Вот теперь точно все. Нет, еще нужно подальше убрать тела бандитов. Хоронить их я точно не буду, дотащу да моря и сброшу. Пусть ими рыбы кормятся и всякие там крабы с омарами.

Меня вырвало. Хорошо хоть успел из дома выскочить. Рвало все время, пока я волок тела к морю. Под конец я уже просто содрогался от мучительных позывов.

Погода менялась на глазах, и, когда я закончил свое страшное дело, небо заволокло низкими черными тучами, поднялся сильный ветер и пошел дождь. Даже не дождь, а сплошные потоки воды, падающие косо из-за шквального ветра.

Я сидел на берегу и размышлял обо всем произошедшем. Подошла промокшая до нитки Аниата в развевающейся на ветру одежде и за руку увела меня в дом. Да, да, пойдём, девочка, наверняка это не вся банда, и они могут заявиться снова. Правильнее было бы скрыться в лесу, но куда в такую непогоду?

Всю ночь я просидел в доме, разложив перед собой на столе четыре трофейных ствола с взведенными курками. Три пистолета и ружье с коротким граненым стволом. Все они были с кремневыми замками. А значит, это отбрасывало составленную мной хронологию на пару веков назад.

Слева от меня, тесно прижавшись, сидела Аниата, справа – Стрегор с распухшим от удара лицом. А на руках спала маленькая Кармина, вздрагивая во сне. Да и все мы вздраги-

вали при каждом резком порыве ветра, ожидая бандитов.

К утру буря стихла, выглянуло жаркое солнышко и быстро высушило землю... Мы уже было собрались садиться за обеденный стол, когда приехали всадники, много всадников, не меньше полсотни человек.

Нет, они не были бандитами. Больше всего они были похожи на солдат регулярной части или на егерей. Одинаковая форма с преобладанием зеленых цветов. Одинаковое вооружение: короткое кавалерийское ружье, пистолет, палаши и кинжал. Старшим у них был надменный офицер в широкополой шляпе, отличавшийся от других и мундиром, и оружием. На боку у него висела шпага в дорогих ножнах, пистолеты с изукрашенными рукоятками торчали из-за широкого пояса.

Аниата долго разговаривала со старшим, так и не соизволившим сойти с лошади. Она что-то объясняла ему скороговоркой, жестикулировала, указывала на меня рукой. Я ничего не понял из их разговора, разве что довольно часто слышал: «Артуа».

Я же сидел и размышлял, смогу ли впихнуть в себя хоть кусочек чего-либо съестного. Сейчас мне было совершенно все равно. Захотят забрать с собой, чтобы выяснить, не шпион ли я враждебной Кампучии, – пусть забирают. Но нет, офицер выслушал хозяйку, еще раз одарил меня надменным взглядом, коротко, но выразительно взмахнул рукой, и они уехали.

Зря я думал, что не смогу ничего съесть. Первую ложку с кашей я едва протолкнул внутрь, вторую распробовал, а затем съел столько, что чуть не оставил голодным все семейство. Стрегор просто поглядывал на меня, а Кармина сидела с открытым ртом. Со мной такое случается: если сильно понервничаю, сначала много ем, а затем иду спать. Так было и на этот раз. Но сначала мы с Аниатой осмотрели пояса разбойников, которые снял перед тем, как сбросить трупы в море. Пояс – это не ремень, чтобы брюки не сваливались. Снаружи на нем имеется несколько карманчиков для разных необходимых мелочей. А на внутренней стороне есть особые кармашки, для денег.

Монет оказалось не так уж и много. Я первый раз увидел местные деньги и не заметил на них ничего такого, что оказалось бы для меня непривычным. Реверс с изображением профиля лобастого бородатого мужика, аверс с малопонятным гербом и такой же непонятной надписью, гладкий гурт. Такими были монеты из серебра.

На медных монетах тоже имелся герб, разве что вместо изображения правителя там красовались какие-то буквы и цифры. О том, что это буквы и цифры, легко было догадаться, а вот что именно они обозначают, оставалось загадкой. Придется, как первокласснику, с азбуки начинать и со счета. Вот где бы только учителя найти? Но этот трогательный момент можно отложить, сначала нужно научиться на чужом языке разговаривать. Такая вот прогрессивная форма обуче-

ния у меня получается, сначала устный иностранный, а затем уже все остальные предметы.

Среди монет нашлась даже золотая, размером с ноготь большого пальца. Обнаружила ее Аниата, тщательно осматривающая пояс, лежащий перед ней на столе. Краем глаза я наблюдал за ней: припрячет или нет?

Аниата положила ее на стол, в общую кучку. Золотая монета оказалась точно такой же, что и из серебра. Видимо, под одним прессом чеканили, только металл использовали более благородный.

Когда мы закончили, Аниата сложила все в маленький кожаный кошель, затянула на нем ремешок и поставила передо мной. Ну что ж, вполне справедливо. Только ведь ты хозяйка, вот и припрячь деньги до тех времен, пока они нам понадобятся.

Затем я все же поспал. Проснувшись, сходил на море и даже искупался. И это был мой первый выходной за все дни, проведенные здесь. А вечером, когда дети уснули, Аниата сама пришла ко мне.

Я лежал на своем любимом тюфяке, но уже в другом месте, потому что на старом продолжали стоять четыре трофейные лошади. Женщина сняла с себя одежду и юркнула ко мне под одеяло. И все у нас получилось так легко и замечательно, как будто мы знали друг друга много-много лет.

И звезды уже не казались мне такими враждебными. Засыпая, я думал о том, что люди, живущие здесь, совсем не

отличаются от нас, землян. И дело было даже не в Аниате.

Глава 4

Гирд

Вот и настала пора научиться мне ездить верхом. Одну лошадь я решил оставить себе. И теперь нужно было выбрать из четырех моделей, представленных в гиппосалоне. В наличии имелись три жеребца и одна кобыла.

Жеребцы имели более приглядный, нежели кобыла, вид, один – так вообще красавец. Но всех их объединял существенный недостаток: встроенная опция в виде сенсора, определяющего неопытность седока даже на расстоянии.

Когда я приближался к ним с седлом наготове, они так гневно фыркали, что отбивали всякое желание к дальнейшему общению с ними. Кобыла же доверчиво тянулась головой, даже не пытаясь возмутиться. Всегда подозревал, что женщины ко мне относятся значительно лучше, чем соперники-самцы, вот и еще одно доказательство.

В принципе из любого, даже самого трудного, положения можно найти несколько блестящих выходов. Взять, например, вот этого самого красивого жеребца, который ведет себя по отношению ко мне особенно нахально. Если привязать его задом к одному дереву, а головой – к другому, то вполне можно его оседлать. Потом влезть в седло, перерезать веревки и кататься сколько влезет. Мне и не такой трудности задачи приходилось решать легко и непринужденно. Вот только

веревки надо много, да и деревья придется постоянно искать.

Решено, оставлю себе кобылу, а остальных продам. Обязательно найду покупателей посуловее, они станут много ездить на конях и плохо их кормить. Тогда те будут вспоминать обо мне и лить свои лошадиные слезы. А свою Мухорку буду холить и лелеять, каждый день чистить и кормить досыта. Потом кони с ней встретятся, она им все расскажет, и тогда они пожалеют, козлы.

Почему Мухорка? А ее Кармина так назвала. Имя как имя, красивое даже. Только о махорке напоминает, а курить иногда просто жуть как хочется.

Первый раз оседлать Мухорку мне помог Стрегор. Быстро взнуздal ее, положил потник, седло надел и подпругу затянул. Затем засунул ладонь под подпругу и момент натяжки показал. Еще и засмеялся. Ах ты, малолетка, да я натяжку ремня генератора на машине вообще двумя пальцами проверяю. И почему тебя так веселит тот факт, что я уже два раза Мухорку скреб и чистил, а еще ни разу не ездил? Я когда первую свою машину купил, целых две недели только мыл ее – и все потому, что ездить не умел и прав не было.

И еще, мои дальние предки – из кубанских казаков, а ты знаешь, что такое генетическая память, неуч? Я и на любой машине могу, и океанскими кораблями управлять. Да мне один раз друзья даже «кукурузник» пилотировать доверили. Минут десять всего, но это же не кобыла.

Еще я, кстати, всегда в будущем оказаться мечтал, чтобы

на флаерах летать, а вовсе не в вашем Средневековье дремучем, где даже бритв приличных нет. Каждый раз бреешься и потом холодным исходишь, когда сам себе по горлу опасной бритвой проводишь.

И хватит уже тут смеяться. Это не то, что ты думаешь. Не собирался я падать, приноравливался я, как на скаку предметы с земли подбирать. И сестре своей скажи, чтобы не смеялась, а то сейчас лопнет. А мамке твоей я сам все ночью скажу, она для этого специально и приходит, чтобы меня послушать.

Вот с языком шло все хорошо. После первой нашей ночной встречи с Анютой меня как прорвало, сам даже не ожидал. Видимо, назрело уже, и произошел качественный скачок. Или метод такой хороший – в постели разговаривать.

Хотя это как посмотреть. Знал я одну девушку, без имени обойдусь. И познакомилась она однажды с парнем. Встретились они в стране, где оба были иностранцами. Все у них было замечательно, отношения прекрасные, и спали вместе. Только вот одна маленькая проблема: не понимали они друг друга. Если хотелось им по душам поговорить, то отправлялись они в интернет-салон и общались через электронного переводчика. Мы все еще смеялись над ней, как же она умудрилась в стране с самым большим населением, в Китае, американского негра себе найти?

Знание языка – великое дело. Если говоришь чисто, то и отношение к тебе будет нормальное, пусть даже и вид у

тебя не совсем привычный. А можешь выглядеть как самый настоящий местный житель, но лепетать что-то вроде: моя твоя не понимай. И выйдет все наоборот.

Язык в этой стране не особенно трудный и давался мне довольно легко. Обличьем от местных, по крайней мере, от тех, кого довелось увидеть, я тоже ничем не отличаюсь. Так что, можно сказать, повезло.

Мы с Анютой собрались в город, как оказалось, до него всего день пути. В Дертогене нужно продать лошадей, купить кое-что необходимо, да и вообще пора мне уже свой нос за пределы гасиенды высунуть. Как говорится, белый свет посмотреть и себя показать.

Отправились мы еще до восхода солнца, оставив Стрегора за старшего. Мать так замучила его наставлениями, что он даже спрятался от нее.

Поначалу я мужественно ехал на Мухорке, потом решил-таки пойти пешком – натер себе с непривычки. К вечеру, когда солнце одним своим краем коснулось морского горизонта, нам открылся замечательный вид на бухту, на берегу которой и расположился Дертоген. Синее-синее море, голубое-голубое небо, огненно-красные отблески заката на пушистых облаках. От такой красоты даже дух захватывает. Я не удивлюсь, если треть жителей этой планеты – художники-пейзажисты.

На берегу почти идеально круглой бухты расположилось множество хижин, дальше местность шла в гору, на скло-

не которой домики были побольше и выглядели основательнее. А на вершине горы стоял замок, больше похожий на крепость со всеми обязательными атрибутами: башнями, стенами с зубчатым парапетом и донжоном, над которым на высоком остром шпиле развевался стяг. На конце мыса возвышался маяк. В гавани – десятка полтора суденышек, в основном одномачтовых. Посреди бухты стоял на якоре двухмачтовый парусник. Еще я сумел разглядеть множество лодок, вытасненных на берег, за линию прибоя.

Ну надо же, все как у людей. На первый взгляд ничего необычного. И все-таки я волновался. Очень. Ведь совсем скоро я увижу новый мир, в котором мне придется жить, хочу я того или нет.

– Спать где? – обратился я к Аниате.

Та долго что-то объясняла, показывая рукой. Понял я лишь то, что на земле спать не придется. Ну и зачем так много слов?

Вообще-то есть у меня собственная гипотеза о причинах женской болтливости, согласно которой центр речи в прелестных женских головках находится в непосредственной близости от центра удовольствия. Ясное дело, при разговоре один центр раздражает другой. Правда, и у мужчин так бывает. Это особенно заметно, если повнимательнее к ведущим популярным телепрограммам присмотреться. Только где ж теперь их взять, всякие там ток-шоу? Клянусь, целыми днями буду смотреть то, что раньше ненавидел. Только домой вер-

ните, пожалуйста.

Переночевали мы в доме каких-то Анютиных родственников. Нормально так переночевали, даже покормить нас не забыли. Анюта о чем-то долго им рассказывала, но я даже не прислушивался и не пытался разобраться. Встав из-за стола, я поблагодарил гостеприимных хозяев и пошел на уже приготовленное мне для ночлега место.

На местный рынок мы отправились чуть свет, и первым, кого встретили, был городской стражник. Он важно шествовал по еще пустынной улице, преисполненный чувства собственной значимости. Поравнявшись с нами, он оценивающе посмотрел на меня и поприветствовал мою спутницу:

– Привет, Аниата. Что, нового гирда себе нашла?

Женщина на мгновение смутилась, затем поздоровалась с ним, схватила меня за руку и поволокла за собой. Естественно, я заинтересовался значением неизвестного мне слова.

– Гирд? Что это? – обратился я к ней.

Никогда не думал, что можно так стремительно покраснеть. Понятно, можешь не объяснять. Девочка, просто ты не представляешь, из какого мира я прибыл. У нас давно уже любой, кто не первый, считается вторым. Ну в нашем случае я третий, поскольку у тебя двое детей, совершенно непохожих друг на друга.

Я на мгновение крепко прижал ее к себе и чмокнул в макушку, получив в ответ благодарный взгляд. Стражник-то явно не к Аниате обращался, это же понятно. Не мог он знать

о том, что мне незнакомы какие-то слова, что я вообще язык только-только осваиваю. Просто так он выразил свое отношение ко мне: вид-то у меня аховый. Конечно, сейчас я был не в той одежде, в которой на огороде работал, да и на ногах какие-никакие постолы имелись, и все же... Значит, именно с этого и начнем. Присмотримся, цены узнаем и ассортимент.

Ну вот и добрались. Бесконечный гвалт, широкие улыбки продавцов, яростный торг – словно на южном рынке очутились. Сначала заглянули в рыбные ряды. Нет, приобрести рыбу в наши планы не входило, но было интересно, что в местных пелагиалях водится. Оказалось, что ничего особенного: морские окуни, скумбрии, кефали, головоногие моллюски и перепончатокрылые. Насчет последних шучу. В мясных лавках опять же вырезкой единорога не торговали, все вполне традиционно: свинина, баранина, птица.

А вот промышленные товары заинтересовали меня больше. Где еще можно получить столько информации о стадии развития общества? Я посмотрел много всяких вещиц, пощупал, повертел в руках и сделал неутешительный вывод. Всюду следы ручной работы, никаких намеков на массовое производство. Провода или антенны в городе тоже отсутствуют.

По хозяйству Аниаты об уровне прогресса судить было сложно: вдруг она какая-нибудь отшельница и все вещи, которыми пользуется остальной цивилизованный мир, у нее

под религиозным запретом. Теперь же все предельно ясно. Семнадцатый-восемнадцатый век, если сравнивать с моей горячо любимой родиной.

Ладно, чего уж тут. Ну нет здесь флаеров и гиперпространственных перелетов, так ведь и питекантропов тоже не видно. И люди вполне вменяемые, вон сколько радостных, открытых лиц вокруг.

Себе я приобрел замечательные штаны, приличного качества рубашку и короткие сапоги с острыми носами. Почему именно с острыми? Чтобы в стремя попасть. Я ведь теперь всадник, черт побери, пусть и с натертой с непривычки пятой точкой. Сапоги, кстати, не делились на правый и левый. Ну так этого и у нас долгое время не было, насколько я знаю. Переоделся я прямо в лавке.

Когда проходили мимо рядов с женской одеждой и украшениями, Аниата замедлила шаг. Погоди, солнце, вот расторгуемся – тогда уж непременно. Это одно из достойнейших занятий для мужчины – тратить деньги на свою женщину. То, что мне самому пришлось сразу переодеться, – это острая необходимость. Нам сейчас коней продавать, а это серьезный бизнес. Вот и выглядеть нужно соответственно. Вернемся за лошадьми, я пояс надену трофейный, тот, что решил себе оставить. Сбоку клинок прицеплю и кинжал. Здесь все так ходят, кроме, конечно, последних оборванцев.

Лошадей вместе с седлами и всей остальной упряжью мы продали удачно. По крайней мере, Аниата, судя по ее ви-

ду, осталась очень довольна. Она торговалась азартно, даже яростно, забавно было за этим наблюдать. Все время торга я простоял рядом с самым невозмутимым видом, скрестив руки на груди и чуть выпятив нижнюю челюсть, для мужественности. Не особо я в таких делах силен, да и не с моим знанием языка лезть в это.

Затем продали лишнее оружие. Оказалось, что стоит оно недешево, даже бывшее в употреблении, судя по количеству полученных за него серебряных монеток. Себе я оставил лишь ружье – в хозяйстве пригодится, – пистолет да палаш с кинжалом.

Вот теперь пойдём, Анята, и посмотрим, что у нас в тут смысле высокой женской моды имеется. Нет, готовые изделия брать будем, хоть и дороже. Понимаю, что ты сама сшить можешь, но тогда ведь на меня времени меньше останется. Так что я больше о себе забочусь. Юбка нравится? Берем. И еще вот эту посмотри. Блузка? Конечно, берем, я даже уже представить успел, как ткань будет обрисовывать некоторые места. Красиво получается. Бусы понравились? Кстати, вот эти сережки к ним вполне подходят. Смотри, какая ты у меня получилась: картинка просто. Ну и пусть поглядывают на нас, пусть шепчутся, какое нам до них дело.

Теперь твоими детьми займемся. Стрегору – пояс и еще небольшой кинжал с ножнами, мужчине без него никак, я его вон в той лавке видел. А Кармине – эту замечательную куклу. Знаю я, что у нее аж целых две. Зато у этой глаза есть и

даже волосы. И платяшечко очень симпатичное. Теперь отрезы ткани им на одежду, сама выбирай.

Все, теперь пора о хозяйстве подумать. Здесь уж ты лучше меня знаешь, что купить необходимо. Я же в качестве носильщика пригожусь. И еще хорошо бы приютившим нас хозяевам подарочек небольшой сделать.

И вообще мне отличная мысль в голову пришла. Как тебе объяснить-то? В общем, давай в этот замечательный городок переселимся, мне здесь так понравилось. Никто на меня с криком «Чужак!» не бросается и руки мне не заламывает. Далось тебе это сельское хозяйство. В конце концов, им и здесь заниматься можно. Да и я себе занятие найду, руки из правильного места растут. Вот только с жильем необходимо вопрос как-то решить. Но все это я тебе потом расскажу, слишком уж ты сейчас в возбужденном состоянии. Придется какое-то время ночной кукушкой побыть.

На обратном пути к дому родных Аниата несколько раз останавливалась поговорить со знакомыми женщинами. Насколько я сумел понять, разговор шел о недавних событиях. Она смело рассказывала об этом чуть ли не каждому встречному, а это могло означать только одно: мстить мне не будут.

Назад мы возвращались на другой день, и оба шли пешком, поскольку Мухорке приходилось тащить на себе все наши покупки. Но задержались в пути мы не только из-за этого, чего уж там греха таить. Не смог я ночи дожждаться, когда мы присели передохнуть и перекусить на укромной лесной

полянке. Слишком уж милые ямочки на щечках у Аниаты, когда она улыбается, и глаза такие блестящие...

Глава 5

Фред

– Словом, займет все это не больше пары недель. Ты даже по Аниате своей соскучиться толком не успеешь.

Моим собеседником был Фред Груен, владелец двухмачтового парусника, который я классифицировал бы как бригантину: те же прямые паруса на фок-мачте и косые на гроте, разве что обвод линий несколько отличается и на юте есть высокая кормовая надстройка. Ходкое суденышко, судя по всему. Вероятно, при постройке сначала думали о скорости, а уж потом о вместительности трюмов.

Сидели мы в дертогенской таверне, в той, что поприличней. Всего их здесь две, и вторая выглядела совсем уж забегаловкой. Да и нравы там были очень свободными. В любой момент тебе на колени могла плюхнуться развеселая пьяненькая девица, попробуй потом объясни Аниате, что она сама проявила инициативу. Дертоген – город маленький, все друг друга знают. Так что сплетни распространяются мгновенно, обрастая за время полета новыми подробностями.

Здесь, конечно, доступных девиц тоже хватало, но вели они себя более скромно. Куда же без них – городок-то портовый. Они любому моряку рады, лишь бы монеты за душой водились.

Меандрия – держава великая. Прошло уже полгода, как я

был занесен сюда невесть каким ветром, поэтому могу смело судить об этом. Государством этим, которое все называли Империей, правил Конрад III из династии Крондейлов. Территориально Империя разделена на десять провинций. Рабства или крепостного права здесь, как такового, нет, хотя крестьяне привязаны к тем селениям, где проживают. Словом, распродавать людей оптом и в розницу нельзя, но если кому-то придет в голову избавиться от одного из своих поместий вместе с прилегающими деревнями – всегда пожалуйста. Если это не противоречит имперским законам, которые я до конца еще не уяснил. А вообще можно достаточно свободно передвигаться по стране (если, конечно, финансы позволяют), и никто не скажет тебе грозно:

– Ты чей, холоп? Ничей? Значит, моим будешь.

В Меандрии и аристократия имеется: герцоги, графы, бароны всякие. Когда-то давно Империя состояла из разрозненных герцогств и графств, затем дедушка нынешнего императора волевым решением поделил подвластные ему территории на провинции.

Отличительным знаком благородного происхождения является шпага. Она может быть какой угодно. И настоящей боевой, с которой можно смело выходить на несметные полчища врагов, и абсолютно декоративной, на манер гигантской зубочистки, словно говорящей: вот он я, человек с голубой кровью. Титулы наследуются только по мужской линии. Так что если дочь герцога выйдет замуж за купца, пусть даже

и очень состоятельного, то станет обыкновенной купчихой.

Незаконное ношение шпаги приравнивается к самостоятельному присвоению дворянского звания. И карается такой проступок очень и очень серьезно. Нарушителя могут даже вздернуть перед толпой любопытствующего народа. Преступление против короны как-никак.

Все это мне объяснил мой собеседник, Фред Груен. И я серьезно подозревал, что перед его фамилией должна стоять приставка «фер», указывающая на благородство его происхождения, хотя многие дворяне прекрасно обходятся и без этого дополнения. Почему я решил, что его социальный статус именно таков? Да хотя бы по манере держаться, умению вести разговор, отношению к собеседнику, в конце концов. Кстати, он обмолвился, что подозревает то же самое в отношении меня, уж не знаю почему.

Фред был брюнетом с голубыми глазами, крепкого телосложения, примерно моего роста и моего же возраста. И еще он был бабником – закоренелым, завзятым, неисправимым и дальше в том же духе. Даже сейчас, когда мимо проходила служанка, обслуживающая посетителей таверны, он постоянно косил на нее глаза. А на что там косить-то? На его корабле, по-моему, корма меньших размеров, чем у этой милой дамочки. Наверное, все моряки, в том числе и бывшие, такие. Но сошлись мы с ним не на этой почве.

Однажды, спеша домой после небольшой, но довольно хорошо оплачиваемой работенки, я увидел обычную драку,

правда, не совсем справедливую: четверо на двоих. Тем, кто был в меньшинстве, приходилось несладко, поэтому я решил вмешаться. Тем более что бились они только при помощи кулаков, хотя иногда противникам удавалось довольно удачно пнуть друг друга. Относительно холодного оружия в Империи жесткие законы. Это дворянам позволительно протыкать друг друга шпагами и дырявить из пистолетов по поводу и без. Люди же попроще за применение ножа могут легко получить направление на имперские рудники лет на десять. Или вообще до конца жизни там задержаться, это если произошло убийство или, к примеру, нанесено тяжелое увечье. Нет, можно хоть с ног до головы обвешаться палашами и ружьями, но применять оружие разрешено только против бандитствующих элементов, посягающих на жизнь или имущество. Надо сказать, что здесь, на окраине Империи, подобное случается нередко.

Короче, в спарринг-партнеры мне достался крепкий жилистый мужик, на удивление верткий. В секции, где я когда-то занимался, тренер имел интересные взгляды на технику бокса. Восемьдесят процентов техники приходится на переднюю, лидирующую руку, любил повторять он. Так почему же сильная рука, например правая у правши, постоянно находится сзади? В двух словах это выглядело так: если правша – занимай правостороннюю стойку, и наоборот. Новатором был, однако. Уже потом я узнал о подобной технике совсем из других источников. Если еще короче, то я достал

челюсть своего противника именно правым хуком, он у меня всегда неплохо получался, и именно из правосторонней стойки.

После такого удара мой оппонент приземлился на пятую точку. Затем помотал головой, поднялся на ноги и полез здороваться со мной за руку, еще и бормоча при этом, что за всю его карьеру драчуна такой случай впервые. От нападавших здорово пахло вином, да и у представителей защищающейся стороны в крови явно имелось слишком много промилле.

Закончилось все дело грандиозной попойкой в таверне, где упомянутая уже девица уселась мне на колени, черт бы ее побрал. С нами был и ревнивый супруг той дамы, из-за которой, собственно, весь сыр-бор и разгорелся. История выходила довольно темная: то ли у Фреда с ней действительно что-то было, то ли, наоборот, как раз ничего не было, и женщина, обидевшись, пожаловалась мужу на его якобы домогательства. Скандально известный своим кобелиным характером Фред должен был в полной мере испытать на себе крепость кулаков разъяренного собственника. Муж уговорил своих друзей принять участие в мести. Ожидали они местного ловеласа в засаде, не забыв при этом прихватить с собой небольшой бочонок вина последнего урожая, чтобы не очень скучать. Совсем крохотный, всего-то литров на двадцать. Чем все это закончилось, уже известно.

К концу нашего застолья бывшие противники уже сидели

в обнимку и горланили песню о несчастной судьбе моряка, вернувшегося из дальнего плавания и заставшего жену в постели с лучшим другом. Сам-то Фред женат не был, и, видимо, поэтому его манера исполнения не была такой жалобной, как у напарника по дуэту.

Следующим утром я сделал два не очень приятных открытия. Первым было то, что, если выпить достаточно много, голова болит нисколько не меньше, чем на моей далекой родине. И второе – если влить в себя несколько бутылок вина, то захмелеешь точно так же, как и от более крепких спиртных напитков. Последних, кстати, здесь не было. Ни рома, ни виски, ни джина. И водки, кстати, тоже.

Сопутствующие выводы тоже имелись. Оказывается, Аниата тоже способна на ревность. А пьянство и здесь может пагубно повлиять на состояние наполненности кошелька монетами.

Фреда я видел и раньше, до той драки, – личность-то он примечательная. Один раз даже пришлось присутствовать при его разговоре с Аниатой. Мне совершенно случайно довелось услышать, как он проявлял мужской интерес к прелестям моей подружки. Сначала он прошелся по ее красивым глазкам, а затем заявил что-то в том духе, что у нее есть и другие замечательные особенности фигуры.

Ответ Аниаты мне понравился:

– А еще у меня есть мужчина, который умудрился обрывком цепи отправить на тот свет несколько разбойников, – за-

явила она. – Среди них был даже Троуг. Да ты и сам должен помнить эту историю, не так уж давно она произошла.

К своей чести, Фред не стал стучать себе кулаком в грудь, заявляя, что плевать он хотел на всяких там Троугов и людей с цепями и без. Он просто откланялся – и все. Чего ж тут непонятного, отказали ему во взаимности.

Этот случай произошел больше трех месяцев назад, когда мы только что переехали в Дертоген. С жильем сложилось как нельзя более удачно. Практически за бесценок нам повезло приобрести неплохой домишко. Правда, не в самом лучшем состоянии. Моей заслуги в этом не было, разве что деньги на его покупку пошли из моего кошелька.

Мы переселились сразу после окончания сезона дождей. Здесь их два, каждый примерно по полтора месяца. В это время небо плачет практически не переставая, только интенсивность меняется. Проливные дожди чередуются с моросью, затем следуют затяжные. А все остальное время благодать, лето.

Вот и сидели мы в хибаре Аниаты, изредка выходя под дождь по самым неотложным делам. На плантациях делать нечего, урожай к тому времени собран, рыбалки никакой, поскольку реки выходят из берегов. Время вынужденного безделья, конечно, даром не пропало. Когда еще выпадет такая возможность попрактиковаться в знании языка. Я даже сказки научился Кармине рассказывать. И еще каждый день уделял пару часов маханию саблей, ну это так, пародия на

бойца.

А в остальном, конечно, жуть. Все сыро, да еще и крыша протекать начала. Поэтому как только дожди стихли, мы и перебрались в город. Дом небольшой, зато каменный, вот только крыши не было – обвалилась. Поначалу я твердо намеревался починить ее сам. Затем прикинул цены на материалы, узнал сумму, запрашиваемую за работу местными строителями... И заплатил последние деньги профессионалам, у которых и инструмент необходимый найдется, и материал подходящий.

Да еще и как раз на время ремонта подвернулось мне одно дельце, поэтому заниматься хозяйственными делами было некогда. Заплатить пообещали хорошо, поэтому я согласился. Моя неожиданная работа затянулась на целую неделю, а заключалась она в том, что пришлось съездить в компании развеселых парней в одно забытое всеми местечко. Там мы изображали группу поддержки во время переговоров двух благородных дворян (это если судить по раззолоченным ножнам шпаг и манере держаться). В подробности разговора нас, само собой, не посвящали. Противоположная сторона также была не обделена собственным штатом «болельщиков». Наша работа как раз и состояла в том, что выглядеть мы должны были гораздо круче и мужественней, чем наши возможные противники. От одного взгляда на этот фарс хотелось смеяться. Но... заплатили нам неплохо, по серебряной полукроне. Так что дельце того стоило.

К моему возвращению дом был уже отремонтирован. Аниате здесь обязательно понравится. Тем более рядом с домом еще и огородик имеется, и небольшой сад. А во дворе колодец есть. Эх, мне бы еще денег раздобыть, чтобы Анята не нуждалась ни в чем какое-то время. Там, глядишь, и личная жизнь у нее наладится – дама она очень даже привлекательная.

А я вот здесь надолго остаться не смогу: еще толком и адаптироваться не успел, а уже куда-то тянет. Передо мной новый мир, и не хочется сидеть в этой забытой местным Создателем дыре всю оставшуюся жизнь. Но и для этого деньги тоже нужны. Для начала мне хотелось побывать в столице Империи, Дрондере. Столица – это всегда центр, и научный, и культурный, и промышленный, и еще какой угодно. Интересно же, черт возьми!

Аниата, как и все женщины, отлично понимала, что я из той самой мужской породы вечных странников, которым не сидится на месте. Но пока молчала. Вот и умница.

Как-то она очень подробно рассказала мне про свою жизнь. Не скажу, что я так уж сильно хотел все это слушать, но человека можно серьезно обидеть, оттолкнув его в тот момент, когда он изливает тебе душу. Была у нее большая любовь, в результате которой и родился Стрегор. Затем не стало ее любимого, море к себе забрать решило. Потом встретился один козел (у какой же женщины такого козла не было?), который вскоре исчез, прихватив с собой все, что по-

считал ценным. А уже после Кармина родилась. Через год женщина осталась без родителей, и жизнь покатила вниз. Одно время ей даже в таверне пришлось подрабатывать, чтобы накормить детей. В конце концов Аниате пришлось уйти на выселки, где я ее и встретил. В том доме когда-то одинокий бобыль жил, пока однажды не нашли его мертвым на берегу моря. Самое страшное началось, когда ее повалился навещать Троуг. Да не один, а в компании таких же негодяев, как и он сам. Чем закончился его последний визит, известно всему городу.

Зато сейчас она ходит с гордо поднятой головой. В Дертогене я в числе пусть и не самых уважаемых, но вполне приличных людей значусь, можно не стыдиться. Только постоянного источника доходов я себе все еще не отыскал. Да и детей ее я не обижаю, даже наоборот. Относительно Стрегора у меня были кое-какие планы. Для своих лет парень он рослый, через пару годков меня догонит. И серьезный, редко улыбается. Нужно попробовать пристроить его в ученики к какому-нибудь мастеру. Сначала на побегушках, потом в подмастерья попадет, а там, глядишь, и ремеслу обучится.

Кстати насчет обучения. В соседнем доме дедок живет, забавный такой. Ему за шестьдесят уже, последние лет двадцать пять на деревяшке скачет – одной ноги нет. Я было думал, что он на море ее потерял. Оказалось – нет. Дед с гордостью сообщил мне, что служил кирасиром в Тунгейском полку. Посидели мы с ним как-то по-соседски, поговорили

по душам и договорились до того, что решил он мне показать то, что когда-то умел хорошо. Вроде и старый, и ноги одной нет, но как взял в руки клинок – преобразился весь, даже взгляд стал другим.

Я начал брать у него уроки. И деду развлечение, и мне наука. Наставником он оказался на удивление хорошим, а главное – совсем не насмеялся над моей неуклюжестью.

Так вот и жил я до того самого ночного разговора с Фредом.

Глава 6

«Элиза в лунном свете»

В море мы вышли затемно, с первым дуновением легкого бриза, потянувшего с берега.

Когда рассвело, ветер немного посвежел и карасса, а именно так назывался здесь этот тип судов, рванула вперед, словно породистая беговая лошадь.

Я стоял, облокотившись на планширь, и поглядывал на Фреда, который пытался что-то втолковать рулевому. Жаль, что не видят его сейчас многочисленные подружки и те дамы, что все еще сомневаются в своих чувствах. В красном камзоле нараспашку и широкополой шляпе (у нас такие когда-то называли зюйдвестками) смотрелся Фред весьма достойно.

На корабле имелось четыре пушки, по две на каждом борту, и длинноствольная кулеврина, уткнувшаяся зевом в море за кормой. На баке орудий не было, что и неудивительно, вряд ли команде приходилось кого-то преследовать, скорее уж наоборот. Парусное вооружение судна впечатляло. Поймав мой взгляд, Фред лишь развел руками, мол, знаю, что «Мелисса» моя – красавица, так ведь и сам я на своем месте и выгляжу ничуть не хуже корабля. Веселая бесшабашность, иначе и не скажешь.

Команда «Мелиссы» состояла из тридцати семи человек.

Обычно Фред обходился и меньшим количеством, расширяя экипаж по мере надобности. В Дертогене это сделать несложно, моряков там хватает.

Как и все морские порты Империи, этот городок принадлежит короне. При каждом порте есть крепость с гарнизоном. Комендантом Дертогена являлся барон фер Энгнуа. Дважды в неделю он со своей свитой объезжал вверенный ему объект с самым важным видом. Довелось и мне его видеть несколько раз.

Фред появился в городке четыре года назад, продемонстрировал коменданту крепости рекомендательные письма, да так и остался на постоянное место жительства. О своем прошлом мой новый знакомый никогда не рассказывал. Зарабатывал он на жизнь тем, что брал фрахты за перевозку грузов. Причем по известным только ему причинам мог отказаться от очень выгодного дела и не менее легко взяться за другое, чуть ли не копеечное. В общем, человек-загадка.

Но был у него и еще один приработок, о котором мы и говорили в таверне.

В нескольких днях хода от Дертогена, в открытом море, проходит торговый морской путь, ведущий в крупнейший порт Империи, Гроугент. Это только кажется, что по морям существует множество дорог, ведущих к намеченной цели. На морях и океанах тоже есть свои, строго ограниченные пути, разве что не огороженные бордюром и не отмеченные столбиками с километражем. Цель любого плавания – до-

браться до порта назначения с наименьшими затратами времени и ресурсов.

Так вот, в том месте, куда мы сейчас направлялись, судоходство было довольно оживленным, а в непосредственной близости находилось множество банок с острыми подводными скалами. И практически после каждого шторма эти особенности морского ландшафта собирали свои жертвы. Такое случалось здесь регулярно, и, как правило, непогода налетала внезапно, в этом я и сам успел уже убедиться.

Для Фреда стало уже чем-то вроде игры в лотерею появляться на этих банках после каждого шторма. Зачастую ему улыбалась удача в виде разбитых и полузатопленных кораблей. Иногда он зарабатывал на спасении таких судов. Случалось, что покидал заповедные места впустую. Бизнес, вероятно, не очень солидный, я даже не догадываюсь, чем он его привлекал, но он почему-то предложил мне составить ему компанию.

Когда я решил узнать о причинах интереса к моей персоне, сообщив ему, что лазить по вантам его «Мелиссы» меня только крайняя нужда заставит, он только рассмеялся и заявил, что у меня очень забавный акцент. А еще, как он сказал, ему нравится, что я постоянно задаю вопросы. Трудно понять, когда он говорит серьезно, а когда шутит. Как человек он мне нравился, еще бы ему на Аниату чуть иначе поглядывать... Вот так и вышло, что отправился я вместе с ним на «Мелиссе» в это путешествие. Фред уверял, что выплатит

мне мою долю сполна, если я буду ему помогать. Не в моем положении проявлять особую гордыню, тем более что не душегубством ведь мы собирались заниматься.

Я отстоял часть вахты за штурвалом, удерживая корабль на курсе. Дело в общем-то привычное, с единственной разницей, что нужно еще и за парусами присматривать, чтобы не потерять ветер. На обед был приглашен в капитанскую каюту Фреда, занимавшую большую часть кормовой надстройки.

Убранство каюты впечатлило даже меня, что уж говорить о его гостях, которым он наверняка не раз хвастался подобным великолепием. Резная мебель, кровать с балдахином, мягкий ковер на полу, серебряный сервиз в шкафчике со стеклянными дверцами, где каждый предмет был закреплен в специальной нише для защиты от шторма и сильной качки. У Фреда даже зеркало имелось. Почему даже? Да потому что за время своего пребывания здесь я видел этот замечательный предмет лишь во второй раз. А первый был на городском рынке. Далеко не бедный торговец использовал его как приманку для покупателей. Возле небольшого зеркала, висевшего на стене его лавки, постоянно толпились люди, любуясь своим отражением. А где много народа, там и покупатели всегда найдутся.

Наконец хозяин каюты указал мне на картину, скромно висевшую на одной из переборок. Поначалу я даже не заметил ее, разглядывая разложенную на столе морскую карту.

И совершенно напрасно не заметил: это творение живописи было достойно внимания.

Как ни странно, на картине не был изображен морской пейзаж. Я вообще с трудом мог понять, что решил запечатлеть неизвестный мне художник. Откуда-то из глубины пробивался слепящий свет – вот, по сути, и все, если бросить на картину беглый взгляд. Но если присмотреться повнимательнее... Художнику совершенно невероятным образом удалось передать бесконечную глубину перспективы и придать изображению объемность. Какие средства он для этого использовал – непонятно, ведь свет не может изгибаться так, как изгибаются реки или дороги на картинах.

Среди широких темных мазков угадывались искаженные полупрозрачные лица, изо всех сил тянущиеся к свету. Картина завораживала, хотелось стоять и рассматривать ее бесконечно.

С трудом избавившись от наваждения, я повернулся к Фреду. Тот внимательно наблюдал за моей реакцией.

– Что ты увидел? – спросил он заинтересованно.

– Колодец, – не стал напрягаться я.

– Колодец? – Он был явно удивлен моим ответом.

Ну да, колодец. А что я там должен был увидеть?

Перебравшись в город, мы со Стрегором решили первым делом почистить колодец во дворе дома. Им давно не пользовались, и он изрядно забился всяким мусором. Я сидел на беседке, это такая доска с веревками, и вычерпывал ведерком

скопившуюся грязь. Ведерко было небольшим, чтобы Стрелгор мог вытаскивать его заполненным, не очень надрываясь.

То ли я переполнил ведро, то задел случайно за кладку колодца из крупных неотесанных камней... В общем, липкая масса попала мне точно в лицо. Еще и комком грязи в голову угодило. Вот тогда я и увидел примерно то же, что и на картине. Даже искры были, они кое-где и на полотне присутствуют.

– Обычно тех, кто в первый раз ее рассматривает, мне приходится за руку оттаскивать, они еще и сопротивляются, – сообщил мне Фред.

Ну что тут скажешь? Волшебная сила искусства. Но картина действительно впечатляла.

А еще мне вспомнился один мой хороший знакомый по прежнему миру. Художником он был от Бога и получил соответствующее образование.

Так вот, есть у него картина, навеянная музыкой великого Людвига ван Бетховена. Навеянная двумя, наверное, самыми известными его произведениями, она так и называется – «Элиза в лунном свете».

Только почему-то Элиза у него обнажена, опустилась на колени и локти и грациозно выгнула спинку. Хорошо хоть боком к зрителю стоит, только голову повернула. И серебристый лунный свет затопил все вокруг. Только вот образ девушки часто меняется: она и блондинкой успевала побывать, и брюнеткой, и рыженькой. Так вот, эта картина меня тоже

сильно притягивала, всякий раз у него в гостях подолгу ее рассматривал.

На следующий день, ближе к вечеру, на самой границе видимости появились пятнышки островов, растянувшихся по всему горизонту.

– Немного ближе подойдем и будем до утра ждать, – сказал Фред. – То, что нам нужно, как раз за островами и находится. Но в темноте мы туда не полезем, чревато.

Всю ночь, убрав паруса, мы пролежали в дрейфе. Спать я отправился далеко за полночь, слишком уж впечатляла картина: такие близкие звезды отражаются в почти неподвижной воде.

Под утро поднялся ветер, принес с собой волнение. Балла три, не больше, определил я: на гребнях волн барашков не видно. Шли мы круто к ветру, приближаясь к островам. Наконец один из них, поросший буйной растительностью, оказался почти на траверзе левого борта. Неожиданно из-за острова показался трехмачтовый парусник с высокими носом и кормой. На его правом борту я насчитал двенадцать орудий, бомбард, по-моему, но ручаться не буду, далековато.

– Право на борт! – заорал мгновенно побледневший Фред и сам же бросился выполнять свое приказание. Оттолкнув рулевого, он с бешеной скоростью закрутил штурвалом.

«Мелисса» неохотно откликнулась на приказ: слишком мала была ее скорость. И потянулись томительные минуты, когда ничего нельзя изменить и ничего уже от тебя не зави-

сит. На корабле, движущемся в нашу сторону, часть парусов была зарифлена, но ветер ему благоприятствовал, задувая в корму.

Наконец наша карасса развернулась достаточно для того, чтобы захватить парусами полный ветер. «Слаженно у Фреда команда работает», – подумал я, наблюдая за действиями матросов. Я бы и сам помог, но не с моим опытом туда лезть.

Трехмачтовик взял еще правее, чтобы ударить пушечным залпом. Было хорошо видно, как суетятся канониры на его борту. «Мелисса» рванула с места, недаром хозяин ее даже лишним количеством орудий не отягощает, хотя мог бы установить еще не меньше дюжины. Правый борт нашего противника окутало дымом, затем донесся грохот пушечного залпа. Поздно. Ядра подняли столбы воды за кормой, и лишь одно проделало дыру в стакселе грот-мачты.

Рявкнула кулеврина, установленная на корме «Мелиссы», и через некоторое время на нижнем фоке преследующего нас корабля появилось аналогичное украшение.

Канониром у Фреда был старый Могнир, всю жизнь отслуживший в имперском флоте. Теперь он выходил в море просто потому, что не мог без этого обойтись. Чего на берегу сидеть? Дети выросли, внуки тоже, а правнуками еще не обзавелся. Был он подслеповат, глуховат – издержки профессии, но ядро положил мастерски. Фред даже кулак на одной руке сжал, в знак одобрения. Один-один получается, если считать по попаданиям.

Старик продолжал возиться со своей кулевриной, задирая жерло ее ствола все выше в небо. Наконец он застыл, выбирая момент для выстрела. Мы тоже все замерли в ожидании. И старый комендор не промахнулся. Ядро попало в марс – площадку на мачте, в бочку, называемую вороньим гнездом. Бочка накренилась, выпавший из нее человек скользнул по раздутому ветром полотнищу грота и упал в воду. Команда «Мелиссы» прокомментировала увиденное восторженным ревом. Вряд ли Могнир стремился попасть именно туда, куда угодило ядро, возможно, ему даже не удалось разглядеть результаты своей работы, но принимал поздравления он с самым спокойным видом.

Пока наш противник разворачивался левым бортом, расстояние между нами увеличилось, и следующего залпа уже не последовало.

– Старый знакомый, – ответил на мой молчаливый вопрос Фред. – Из тех знакомых, что век бы не знать и не видеть.

Через пару часов гонки стало очевидным, что преследующий нас корабль безнадежно отстал. Враг понял это и прекратил гонку. Еще два часа – и мы потеряли его из виду. Я так и не сумел его классифицировать. Три мачты, бизань расположена вплотную к гроту, и на ней лишь одинокий косой парус. Да, здесь в кораблестроении имеются свои особенности. «Мелиссу» я успел облазить, что называется, от киля до клотика. Все в наличии: и шпангоуты, и пиллерсы, и бимсы всякие. У баллера руля пятка присутствует. Внешне, конеч-

но, есть отличия, но в основном все, как и у нас было. Вон даже ахтерлюк имеется, в него как раз судовой повар полез.

Мне почему-то казалось, что после этой встречи Фред решит повернуть на Дертоген, но я ошибался. Он не из тех людей, кто отступает так просто. На следующий день карасса огибала гряды островов, вытянувшихся в линию до самого горизонта. Этим путем обычно и следуют суда, стремящиеся попасть в Гроугент. Все свободные от вахт матросы пытались высмотреть то, ради чего мы сюда и прибыли.

Фред рассказывал, что эти воды – излюбленное место обитания пиратов. Правда, в последнее время их стало здесь не так уж много, зона активных пиратских действий переместилась на юг, где пролегал морской путь, связывающий Империю с другим могущественным государством – Абдальяром.

Раньше в этих местах постоянно курсировала эскадра военных кораблей Империи, чьей основной задачей и являлось обеспечение безопасности мореплавания торговых судов. Сейчас этих судов стало гораздо меньше. И получается, что встретить пиратов значительно проще. Корабль, с которым мы недавно столкнулись, тоже был пиратским. Назывался он «Пулус», что на местном наречии обозначает морское животное, похожее, судя по описанию, на моржа. Командовал кораблем Бундриг Стор, давний недруг Фреда.

За день плавания вдоль гряды островов нам попало два торговых каравана. Один весьма приличный, судов пятнадцать. Купеческие суда обычно сбиваются в целые фло-

тилии, так им легче отбиваться от пиратов. Правда, после шторма их может раскидать, а в одиночку сопротивляться джентльменам удачи гораздо труднее.

Другой караван был значительно меньше, всего три торговца. Но охраняли их два военных трехпалубных корабля с незнакомыми флагами и непонятным гербом.

Имперский герб я уже знал, практически каждый день им в Дертогене любовался, когда ветер разворачивал штандарт на шпигеле. И соответствовал он гербу правящей династии Крондейлов. На нем изображена стоящая на задних лапах фигура какого-то животного, похожего на стилизованного льва. Сверху три короны, верхняя самая большая. Внизу – два перекрещенных меча. И еще две ленточки по бокам, похожие на муаровые. Девиз – просто верх глубокомыслия: «могущество в мощи». Ага, «победность в победе», «правдивость в правде», «стильность в стиле» и так далее...

– Это абдальярцы, – пояснил Фред, заметивший мой интерес.

Повезло мне, наверное, что попал именно сюда. Тут тебе и пираты, и романтики полно. И воздух чистый, не загаженный. Возможно, вон на том острове с длинной желтой песчаной косой, выступающей далеко в море, какой-нибудь местный Морган клад свой зарыл.

Попади я в будущее, во мне бы давно чужака обнаружили. И изрезали бы мой бедный мозг тонкими-тонкими ломтиками, чтобы понять, как далеко шагнула эволюция за пару

столетий.

Хотя вряд ли. Вот смотрю я на этих людей и понимаю, что ничем они от нас не отличаются. Разве что знаниями и какими-то навыками. Но вот перебрось любого из них в мой мир, так им еще легче, наверное, чем мне здесь, будет адаптироваться. Долго ли микроволновкой научиться пользоваться или телефоном? Да враз.

Это что же получается: наше общество, выходит, больше потеряло, чем приобрело с течением времени? Бред какой-то.

Глава 7

Звериный оскал

На следующий день Фред смирился с тем, что удача на этот раз ему не сопутствует. Он принял решение вернуться в Дертоген, но перед этим зайти в еще один порт Империи, Торпент, в надежде захватить попутный груз. Мы прошли между двух островов и взяли курс вдоль северного берега левого из них.

Я поинтересовался у Фреда причиной столь странных маневров, ведь нам следовало идти почти в противоположную сторону.

– Есть там укромная бухта... Вдруг там какой-нибудь купец ремонтируется, – посвятил меня в свои планы предприимчивый капитан.

Зрелище, открывшееся нам при входе в бухту, было более чем неожиданным. К стоявшему на якоре посреди бухты купеческому кораблю при помощи абордажных крючьев был пришвартован тот самый «Пулус». Его несложно было признать по окраске и характерным обводам корпуса, да и марсовая бочка была по-прежнему накрена в сторону. Схватка была в самом разгаре, до нас доносился шум боя.

Фред заметался по мостику, и его нетрудно было понять. Ведь именно сейчас подходящий момент, чтобы свести счеты с давним врагом. Хотя здесь тоже было над чем подумать.

Пираты уходят в море, имея на борту столько людей, сколько позволяют возможности их кораблей. На захватываемых ими судах экипажи защищаются яростно, ведь их ждет незавидная участь – отправиться за борт со вспоротым животом и чаще всего еще живыми. Здесь так принято. И акулу хватается, и питаются местные рыбки явно не планктоном.

Купеческий корабль, сильно напоминавший пузатый бочонок, здорово пострадал во время последнего шторма, оставшись без двух мачт. Уцелела только бизань. Вот и спрятался капитан в этой укромной бухте, чтобы поправить такелаж и установить новые мачты. На берегу высоких деревьев достаточно, выбор большой.

Вот только об этой бухте знали не только торговец и Фред, но и хозяин «Пулуса».

У Фреда на борту тридцать семь человек, включая меня. Реальных воинов – еще меньше, всего пятнадцать, и себя я к ним не причисляю. На «Пулусе» – сотни две людей, сделавших пиратское ремесло своим образом жизни.

У купца экипаж около сотни моряков, может быть, чуть больше. Очень нехорошее соотношение получается, даже если напасть на Бундрига Стора со спины.

Наконец марсовый разглядел, что на борту торговца было гораздо больше людей, чем обычно бывает на таких судах. Похоже, купец подобрал людей с затонувшего судна, иначе никак было нельзя объяснить такое количество защитников.

Я посмотрел на Фреда: интересно, какое он примет реше-

ние сейчас, когда все так удачно складывается. Оказалось, Фред его уже принял. Послышались распоряжения, забегала палубная команда, задрожали и поползли гитовы, подтягивая шкаторины к реям. На правый борт навешивались плетенные из конопляных тросов кранцы. Люди Фреда, уже в воинском облачении, состоявшем из кирас и шлемов, расположились у борта корабля с абордажными крючьями наготове. Вскоре к ним присоединился и сам Фред в таком же «наряде». Но даже в нем он умудрялся выглядеть щеголем.

За считанные минуты на «Мелиссе» была убрана большая часть парусов. Мы продолжали идти вперед только за счет инерции, да еще кливеров на бушприте.

– Ты с нами? – спросил меня Фред, и я кивнул.

– Кто бы сомневался, – пробормотал он себе под нос, но мне все же удалось разобрать его слова.

Кто, кто? Да хотя бы я сам. Ну какой из меня боец, тем более сейчас, когда все действие будет происходить в тесноте переплетений всех этих шкотов, брасов, фалов и остальной оснастки такелажа, да еще и на скользкой от крови палубе. И не пойти нельзя, есть моменты, когда ценность собственной жизни должна остаться где-то там, в глубине, а на первый план выходит надежда людей на твою помощь.

Когда расстояние между «Мелиссой» и «Пулусом» сократилось, в ход пошли кошки. И вскоре борта кораблей встретились со стуком и скрежетом.

Наша абордажная команда с яростным ревом бросилась

на борт пирата. Вторым эшелоном, вместе с десятком матросов, туда же направился и я.

Как оказалось, чтобы немедленно столкнуться нос к носу с врагом, совсем не обязательно бросаться на abordаж в числе первых. Достаточно сделать несколько шагов по чужой палубе – и вот он, враг, сам нашел меня.

Крепкий рыжеволосый тип в сшитом из нескольких слоев буйволово́й кожи жилете и с abordажным топором в руках. Перекинув опасное оружие из одной руки в другую пару раз, он ухватился за него обеими руками и нанес удар страшной силы, пытаясь попасть в голову. В ту самую, где хранится множество знаний, еще недоступных здешнему миру. Уже одно это заставило меня отскочить в сторону – навстречу, отводя удар левой рукой, а правая с палашом пошла между его ног. Затем режущим движением дернул клинок на себя. Целился я в бедренную артерию, а вот куда пришелся порез, не знаю. Янычары когда-то славились таким ударом, вот уж не думал, что и мне пригодится. Бородач, зажимая руками рану, упал на колени, уткнувшись лбом в доски палубного настила.

Со вторым пиратом я тоже справился на удивление быстро. Парировал его удар своим клинком, сделал выпад, метясь в горло. Попал.

Третий же мой противник чуть не стал для меня последним. Спас меня один из людей Фреда, вовремя толкнув в плечо.

Я поупражнялся в полетах и со всей силы шлепнулся о палубу. Зато вспомнил о пистолете – чудо местной оружейной мысли пребольно врезалось мне в бок. При помощи этого оружия я и достал одного из трех пиратов, заседавших на моего спасителя. Затем отвлек еще одного, делая вид, что сейчас обрушу на него всю свою ярость, и Бронс – именно так звали человека, спасшего меня от верной гибели, – быстро разделался со своим, а затем уже и с моим врагом. Оказывается, у нас отлично получается работать в паре. Пока я вношу ужас в ряды противника, грозя оружием и пугая звериным оскалом, Бронс успевает нашинковать отвлекшихся на меня врагов. В общем, для первого раза вышло неплохо. Это даже Фред отметил.

Бой почти закончился. Экипаж торгового судна, получив неожиданную поддержку с нашей стороны, перешел в контратаку. Совместными усилиями мы загнали уцелевших врагов, среди которых оказался и Бундриг Стор, на высокий ют «Пулуса».

Наступила минутная передышка. Казалось бы, победа уже одержана, но несколько десятков пиратов по-прежнему готовы сразиться с нами. Сейчас, когда эмоции схлынули и весь запал пропал, мирным торговцам было трудно заставить себя снова рисковать своей жизнью. А вот пираты будут стоять до последнего, им терять нечего. В плен их, конечно, никто брать не будет и справедливому имперскому суду не предаст. С ними покончат здесь и сейчас, и совсем не обязательно,

что их смерть будет мгновенной и легкой. Поэтому терять им нечего. Хотя нападение они тоже не провоцировали, стараясь держаться как можно тише.

Я был уверен, что дело закончится выстрелами из пушек купеческого корабля. Но все оказалось гораздо интереснее.

На палубе перед кормовой надстройкой появился Фред в красном камзоле с золотыми позументами и в треугольной шляпе с пышным белым пером. И когда это он успел переодеться?

Он важно прошелся перед всеми, затем, не повышая голоса, сказал:

– Бундриг, все равно ведь подохнешь через пару минут. Так, может быть, доставишь мне удовольствие, спустишься и примешь смерть от моей руки? Ты же знаешь, сколько лет я об этом мечтаю.

И Бундриг не заставил себя долго ждать. Через пару минут он уже спускался по трапу. Пиратский предводитель оказался крупным мужиком лет сорока с длинной угольно-черной кудрявой бородой в форме лопаты.

– А его прозвище случайно не Черная Борода? – спросил я у стоявшего рядом Бронса, припомнив известного пирата из земной истории.

– Нет, – усмехнулся тот, – за глаза его называют Хряк, и он очень этого не любит.

Пират небрежно помахивал зажатой в правой руке саблей, больше похожей на длинный меч с односторонней заточкой.

Фред, к тому времени успевший скинуть камзол и шляпу, был вооружен не менее длинной саблей со слегка изогнутым клинком.

Похоже, что сейчас я стану свидетелем дуэли двух давних врагов. Должно быть, потрясающее зрелище. Это не общая схватка, когда заботишься в основном о том, как увернуться от сыплющихся со всех сторон ударов, – на все остальное попросту не хватает внимания.

Но зрелища не получилось. Отбив размашистый удар пирата, Фред немного отклонился назад и атаковал противника двумя быстрыми выпадами. На втором выпаде он достал Хряка уколom в объемистый живот, погрузив в него чуть ли не треть клинка, правда, сам он при этом получил ранение в левое плечо.

Моряки одобрительно зашумели, Бундрик – фигура зловещая, а вот Бронс недовольно поморщился:

– Я же сто раз показывал ему, что после такого выпада следует защита клинком и нельзя так глубоко проваливаться.

Я с удивлением посмотрел на моряка. Бронс выглядел по меньшей мере лет на пять моложе меня или Фреда.

Вероятно, гибель Бундрига и послужила той искрой, после которой вспыхнула атака. Оставшихся пиратов смели сразу. Сломленные потерей главаря, пираты сопротивлялись ожесточенно, но были обречены. Эх, я бы все-таки сначала картечью пальнул, чтобы уж наверняка.

Чтобы отметить победу и поблагодарить за неожиданную подмогу, хозяин торгового судна угостил всех вином. На корабле даже небольшой салют (если можно так выразиться) устроили, пальнув пару раз из пушки.

А Фред решил обсудить дела с купцами – владельцем шнора «Глистри» и капитаном со спасенного «Глистри» судна. Разговаривали они долго, и мой приятель остался очень доволен.

Подробности выяснились уже на следующий день, когда мы под всеми парусами летели прямым курсом к Дертогену. За обедом, как обычно проходившим в капитанской каюте, Фред посвятил меня в подробности разговора. Суть его заключалась в следующем.

Пиратский «Пулус» стал призовым кораблем, и дело стояло только за тем, как разделить этот приз. Сначала Фред настоял на том, чтобы распределить доход на три равные части, невзирая на количество людей, принимавших участие в битве. Затем капитан спасенного экипажа решил выкупить у моего приятеля треть «Пулуса», чтобы сразу стать хозяином корабля. С первым купцом он уже договорился заранее, и тот пошел ему навстречу, тем более что два торговца состояли между собой в родстве.

Фреда предложенный вариант более чем устраивал. Ведь лучше получить деньги на месте, пусть даже и потеряв при этом часть суммы, чем перегонять трофейный корабль и мучиться потом с его продажей.

Выглядел наш переговорщик крайне довольным. Не менее довольным был и я, после того как получил свою довольно-таки приличную долю – четверть от выплаченного за «Пулус» золота пошла Фреду, остальную сумму поделили на всю команду. Мне причиталась неплохая сумма – двенадцать славненьких золотых имперских крон. Теперь у меня было достаточно денег для того, чтобы сделать наконец то, к чему я давно стремился, – отправиться в Дрондер, столицу Империи.

После обеда ко мне подошел Бронс. И бесплатно предложил мне то, за что я согласен был заплатить золотом.

– Мне нравится скорость, с которой ты движешься, Артуа. Но вот оружием ты владеешь так, что любой сразу разглядит в тебе новичка. Если хочешь, я мог бы тебя немного поднатаскать. Конечно, фехтованию нужно учиться годами, но уверен, что некоторые вещи ты сможешь освоить довольно быстро.

Еще за обедом Фред сознался мне, что поручил Бронсу присмотреть за мной, и лишь благодаря такому присмотру я и остался жив. На память об этом сражении остался только едва заметный порез на левой щеке.

Не знаю, почему Фред решил позаботиться обо мне, вряд ли из-за моего забавного акцента. А вот Бронс решил заниматься со мной исключительно по собственной инициативе.

Когда Фред увидел наши тренировки, то был сильно удив-

лен.

– Как ты его смог убедить? – поинтересовался приятель.

– Я раскрыл ему тайну твоей картины, – заявил я.

– И в чем же она заключается?

– На ней изображена дырка в заднице, если смотреть изнутри. Потому люди и застывают перед ней, мысленно стремясь выбраться из того места, куда определила их жизнь.

Фред хохотал так, что у него разболелось раненое плечо.

Глава 8

Перевод с французского

Наши занятия с Бронсом продолжались почти месяц. Наверное, в конце концов он сам пожалел о своем предложении, ведь я постоянно допекал, все больше входя в роль ученика. К счастью, он никогда не отказывал мне в наставлениях и был готов скрестить со мною сабли в учебном бою. Единственное, что меня огорчало, – у Бронса было не так уж и много свободного времени, поэтому занятия наши были не такими продолжительными, как хотелось бы мне.

То, что он мне показывал, не было полноценной техникой фехтования на саблях или хоть какой-то стройной системой. Короткие связки, приемы защиты и нападения, уловки, позволяющие ввести возможного противника в заблуждение.

– Захочешь – доведешь все это до ума сам. Правда, сначала тебе нужно выработать свою собственную технику и научиться ей, – усмехался Бронс. – Порой я и сам не понимаю, почему учу тебя некоторым вещам, которые знать тебе совсем не обязательно.

Даже не догадываюсь, что стояло за его словами, но своего прежнего противника по учебным боям – дряхлого одного деда – я победил легко. Тоже прогресс, наверное.

Затем Фред на своей «Мелиссе» ушел в море, и Бронс вместе с ним. Их плавание обещало быть долгим. Опасаясь,

что больше не увижу Бронса до своего скорого отъезда, который был уже делом решенным, я купил ему подарок. Приобретение обошлось мне в половину золотой имперской кроны.

Презент Бронсу понравился. Кстати, он преподнес мне ответный дар, правда, для того, чтобы его вручить, потащил меня в каюту Фреда. Мельком взглянув на картину, он улыбнулся:

– Дырка, говоришь? Очень подходящее определение ее сущности. Теперь смотри внимательно. Бывают моменты, когда ты оказываешься в такой ситуации, что кажется: все, конец. Возможно, тогда тебе поможет вот это...

Надеюсь, я хорошо все запомнил.

С Фредом мы попрощались, сидя за его любимым столом в таверне категории «поприличнее». Он был в курсе моих планов, но разговор у нас шел не об этом.

– Что-то на сердце у меня не очень спокойно, – пожаловался приятель, имея в виду предстоящее плавание, – давит что-то, давит. Нехорошее, словом, предчувствие. А отказаться не могу.

В его поведении не было ничего удивительного – ведь и в моем мире полно суеверных людей, особенно среди представителей профессий, связанных с риском для жизни. Моряки занимают в списке опасных профессий одно из первых мест.

– Ладно, я не об этом, – продолжил Фред, – есть у меня к тебе маленькое предложение. Богатым не станешь, но пять-

шесть золотых монет поднимешь. Здесь как раз именно это слово и подходит, – усмехнулся он и объяснил суть «дельца».

На запад от Дертогена, на морском побережье недалеко от города, была подводная каменная гряда, уходящая далеко в море. Так вот, некоторое время назад (еще и пары лет не прошло) там потерпел крушение корабль с грузом гевойского масла. Товар был контрабандным и стоил довольно прилично. Само же судно и кораблем-то назвать трудно, так, большая лодка с мачтой. Такими здесь пользовались контрабандисты. Ход она имеет приличный, и для грузов места вполне хватает.

В общем, подъемом этого самого масла, которое в кувшинах с узкими горлышками, похожими на амфоры, перевозят, и предложил мне заняться приятель.

– Кувшины, наверное, за такой срок песком уже затянуть успело, – засомневался я. – Или масло испортилось давно.

Фред уверял меня в обратном. Ничего, мол, с грузом не случилось, проверено. Грунт в том месте каменистый, и глубина самая подходящая. Я так понял, что это был его прощальный подарок. Когда я спросил, чем могу его отблагодарить, он ответил, что ничего не нужно. И с усмешкой добавил:

– Ты помог мне понять смысл картины.

Далась же она вам всем!

Уже после отплытия «Мелиссы» я арендовал ялик у соседа-ветерана, страстного рыбака. Вдвоем со Стрегором мы отправились на место крушения. Затонувший кораблик на-

шли в первый же день, метрах в трехстах от берега. Обнаружили и амфоры. А вот дальше начались проблемы.

С первого раза я не смог до них донырнуть. Казалось бы: вот они, пару гребков руками – и все, но именно в этот момент я остро начинал чувствовать, что воздуха хватит, только чтобы выбраться на поверхность. А ведь я пользовался методом японских ныряльщиков за жемчугом, подсмотренным в одной из книг о самом известном шпионе всех времен и народов, имеющем лицензию на убийство. Метод действительно работает, и с его помощью можно задержать дыхание на большее, чем обычно, время. И все равно не помогло.

На такой глубине все попытки зацепиться за одну из двух ручек, имеющих у каждого кувшина, с помощью металлического крюка тоже ни к чему не привели. У Стрегора добраться до них тоже не получилось. И думать, как разрешить эту проблему, он даже не собирался. Его больше волновало, куплю ли я ему новую рубаху, если у нас этот бизнес получится, паразит юный. Девочки его, видите ли, интересоваться начали.

На отливы надежды тоже никакой. Луна отсутствует, а от имеющегося светила ни отливов, ни приливов нормальных не дождешься, сплошное недоразумение.

И тут мне пришла в голову замечательная мысль. Я даже не понял сначала, дурак я или гений. Дурак – потому что не догадался сразу, а гений – потому что все-таки додумался. Я даже из ялика чуть не вывалился от радости.

Нужно с камнем нырять. А чтобы не возить их в лодке целую кучу, камень мне нужен многоразовый. Обвязать его фалом достаточной длины, ручку из него же сделать – и вперед. Вернее, вниз. И еще необходим хотя бы один буй. По буйрепу спускаться буду, чтобы не угодить своим камнем в скопление кувшинов с маслом. Только подводный буй нужен, он не привлечет ненужного внимания. Будет кто-нибудь мимо проходить, поинтересуется, что мы тут делаем... А что мы делаем? Рыбачим мы. Место здесь уловистое, чтобы узнать о нем, золотом плачено. Ну и пусть пальцем у виска крутят. Пока я буду изображать из себя Ихтиандра, Стрегор рыбы наловит: и для маскировки, и для ужина. Жить мы пока будем здесь, на берегу. Далековато до дома, слишком утомительно будет возвращаться каждый день.

И работа наладилась. Когда кувшин подходил к самой поверхности, мы заводили под него сачок, чтобы не оторвать ручку. Каждую амфору отвозили на берег и прятали – масло ведь не перестало быть контрабандным. С одной стороны, конечно, неправильно: какой пример молодежи подаю, мало того – еще и участие заставляю принимать. С другой – я же бандитов у него на глазах убивал, о чем еще после этого говорить...

Не все кувшины оказались целыми. Не знаю, сколько их было, но черепков и горлышек с ручками среди длинных зеленых водорослей хватало. Но и тех, что мы умудрились поднять, оказалось достаточно много.

Сбывал я находки по одной. Определиться с покупателем было не сложно, я его уже давно знал, городок маленький. Отдавать груз оптом я поостерегся, хотя общая сумма была не слишком большой – около восьми золотых монет. Иногда быстрее по голове получить, чем оплату за товар. Тем более когда за тобой никто не стоит. Теперь, когда «Мелисса» ушла, мне и обратиться-то, по сути, не к кому. Разве что к родственникам Аниаты, но после ее исповеди никакого желания с ними общаться не возникало, ведь все это происходило на их глазах.

После продажи масла кое-кто начал коситься в мою сторону (видимо, утечка информации все же произошла), в том числе и страж, назвавший меня гирдом при первой встрече. У него вообще в глазах немой упрек читался: как же так, я тут при исполнении, а мне совсем ничего не капает. Так и подмывало сказать ему, что это была только разовая акция.

Хотя, если подумать, поприще довольно волнующее. Если бы я оставался в Дертогене, то наверняка бы занялся контрабандой. Раз уж пираты этого мира – такие глубоко неуважаемые личности.

На заработанные таким способом деньги я купил для Анюты лавчонку, торгующую готовой одеждой и тканью. Хозяин срочно избавлялся от своего заведения по причинам, от него не зависящим: он готовился к спешному отъезду. Лавку отдавал вместе с товаром, и цена нас обоих устроила. Как раз в заработанную на продаже контрабандного масла сумму

и уложился. Почти.

А что, как сказали бы у нас: точка наработанная. И с поставщиками проблем нет, и с клиентами. В том, что у нее получится эта работа, у меня даже сомнений не возникло: видел я, как Аниата лошадок лихо распродала. А ведь тут торговля лошадьми считается чисто мужским бизнесом. Ну и работа такая куда лучше, чем земледелием заниматься. Да и товар такой, что не прокиснет и не протухнет. И станет Аниата владелицей бутика. Если с французского перевести, то бутик и означает – лавка.

Я даже советоваться с ней не стал, боялся, что перехватят. Потом уже к ней пришел, показать, чем она с завтрашнего дня заниматься будет. Давно я ее такой довольной не видел. Забавно было наблюдать, как она лицом в товары уткнулась.

Наверное, это чисто женская черта – плакать от радости. Разве же это радость? Вот если бы я ей, к примеру, замок подарил... А здесь ведь еще и работать надо.

Сообщил мне о срочной продаже лавки все тот же стражник. Когда он меня окликнул, я уж было решил, что сейчас начнутся рассуждения о том, что делиться нужно. Начал даже прикидывать в уме, как бы помягче его послать. А тут такая новость. И даже гирдом меня ни разу не назвал, что вдвойне приятно.

Вот теперь можно и уезжать со спокойной совестью. В общем, я готов к первому путешествию по новому для меня миру. В седле я держался уже довольно уверенно. Конечно,

я не смог бы на скаку подхватить зубами платок с земли, но и посадка моя усмешек уже не вызывала. Ехать верхом придется много. До столицы чуть ли не месяц пути, одному отправляться рискованно, придется к какому-нибудь обозу прибаваться. Конечно, скорости это не прибавит, купцы не любят торопиться, так ведь и мне пока спешить особо некуда. Зато будет время осмотреться вокруг. До следующего сезона дождей успею добраться.

Со снаряжением, одеждой и прочим все в порядке, времени на подготовку было достаточно. Из оружия я решил взять только пистолет да еще тесак с кинжалом. Джентльменский набор путешественника средней руки. Ружье пришлось оставить, слишком тяжелое и громоздкое.

Эх, мне бы в охрану какого-нибудь каравана, идущего в столицу, пристроиться. И добрался бы без приключений, и, глядишь, подзаработал бы какой-никакой медный грош. Вид-то у меня достаточно мужественный, даже шрамом на левой щеке успел обзавестись в том самом абордаже. Ну это уж как повезет. Вряд ли кто незнакомого человека брать станет.

С языком особых проблем нет, если не скороговоркой и не шепотом, вполне отчетливо все разбираю. Встречал я тех, кто на общеимперском еще хуже меня разговаривает. Империя – страна многонациональная.

А вот в плане воинской подготовки... Где-то посередине между крестьянином и поваром второго года службы. Так

мой дедуля-сосед оценил, язва. Ничего, прорвемся. Не на войну ведь собрался, в конце концов.

Мы с Аниатой любовались пламенеющим на полнеба закатом. Все, что можно и нужно, уже было сказано, и сейчас мы просто сидели и молчали. Завтра с утра я уезжаю, Анюта напекла мне в дорогу пирогов.

Кармина давно уже спала, обняв любимую куклу, ту, что с волосами. Стрегора нет, он поздно приходит и никогда не говорит, где был. Я с ним поговорил серьезно, и он дал слово, что о матери будет заботиться. Хороший парень растет.

Так бывает. Повстречаются люди, согреют друг друга теплом и расстанутся, чтобы никогда уже больше не встретиться. У Аниаты все будет в порядке, и я даже знаю, кто рано или поздно займет мое место. Слишком уж он заглядывается на нее, по-хорошему так заглядывается. И еще вздыхает. Хоть кому-то будет радость, что я уезжаю.

И все равно тяжело на душе. Наверное, потому, что с Аниатой у меня так много связано.

Аниата прижалась ко мне и положила голову мне на плечо. Правая рука ее была в моих руках, а левая, со сжатым кулачком, лежала на коленях. Не так давно я вложил в нее шесть из имеющихся у меня десяти золотых монет. Так будет честно. Почти честно, ведь их трое.

Пойдем, Аниата. Наверное, мы больше никогда не увидимся. Но эта ночь наша.

Глава 9

Гийд

Через два дня пути я уже был в Смоугенте. Городок небольшой, хотя... смотря с чем сравнивать. Если с Дертогеном, то почти мегаполис.

Вообще-то это была не единственная дорога в столицу. Проще всего было выстроить маршрут таким образом, чтобы добраться до Торпента, морского порта, лежащего на побережье к востоку от Дертогена, там пристроиться на попутный корабль и дойти на нем до Гроугента, самого крупного порта Империи и второго по величине города страны. От Гроугента до столицы – три дня пути. Так и быстрее получается, и выгоднее, и безопаснее во всех отношениях. Когда мы с Фредом обсуждали этот вопрос, он посоветовал мне выбрать дорогу морем.

Я долго раздумывал, какой же путь мне все-таки предпочесть. Морем – быстрее, дешевле и в любом случае комфортнее. И теряю я лишь свою Мухорку. Нет смысла брать ее с собой, перевозка дороже обойдется. Да еще и пристроить ее на корабль – целая проблема. А так все замечательно: спишь себе целыми днями, просыпаясь, только чтобы поесть. В остальное время шляешься от борта к борту и любишься водной гладью. Разве что в шторм попадешь. Да нам разве к этому привыкать, после ревуших сороковых. Думал

я, думал и все же выбрал сухопутный маршрут. И вовсе не от любви к своей кобыле.

Да, не очень-то привычно будет трястись в седле столько времени. И наверное, не так безопасно. Но если я буду добираться сушей, мне придется пересечь чуть ли не треть Империи, а значит, я смогу увидеть, как живут люди, проникнуться духом эпохи, в конце концов.

А что я смогу увидеть с корабля? Пару портов, в которые мы зайдем, и очень много воды. Пусть даже все время пути мне будут рассказывать о жизни в стране, о ее обычаях и обо всех тех вещах, что я могу увидеть собственными глазами. Но и в этом мире никто не отменял правоты выражения, что лучше один раз увидеть.

И прибуду я в столицу после морской поездки даже не провинциалом, а вообще неизвестно кем, дурак дураком. Нет, лучше я на лошади, как д'Артаньян в Париж, пусть и без шпаги.

И еще надеюсь, что за месяц пути стану со своей лошастью единым целым, как и подобает настоящему кавалеристу. В том смысле, что ездить буду хорошо, а не в каком-нибудь другом.

Через Смоугент проходил Сверендерский тракт, ведущий к столице, если следовать на восток. На запад эта дорога идет до границы Империи с королевством Трабон.

Сам Сверендер, центр провинции Тосвер, будет через три-четыре дня пути.

Город назван по имени крупной реки Сверен. В месте впадения реки в море находится город-порт Торпент. Так что в любом случае у меня есть время на размышление. Если передумаю, доберусь по реке до Торпента – и там уже морем.

Так подробно я все узнал от Фреда, с которым мы несколько раз обсуждали мой путь. Приятель набросал мне все схематично на листе бумаги, а затем я еще свои пометки оставил. Вот только к торговому каравану, идущему в столицу, примкнуть мне не удастся. Во всяком случае, в ближайшее время. Море недалеко: кому взбредет в голову на телегах свой товар в такую даль везти? Дешевле корабль нанять, если собственного нет. Пока же, в путешествии от города к городу, можно будет пристроиться к мелким торговцам, благо их предостаточно. Завтра с утра на выезде из Смоугента попробую влиться в небольшой обоз.

К Сверендеру я подъезжал, погрузившись в грустные раздумья. Еще вчера я заметил вдоль тракта каменные столбы, отсчитывающие лиги, местную меру длины. Сегодня с утра, не поленившись, я решил подсчитать, сколько моих шагов составляет лига. Результаты разлились: первая лига вышла две тысячи семьсот тридцать девять шагов, вторая – чуть меньше: две тысячи семьсот десять, наверное, я где-то немного сбился. Мухорка, которую я вел в поводу, уже начала тревожно на меня поглядывать, словно говоря: «Хозяин, ты что? Ты меня для чего брал?» И успокоилась лишь тогда, когда я снова на нее взобрался.

Лихо оседлав скакунью, я принялся за расчеты. Правда, я не очень хорошо помнил длину среднего шага. Кажется, она составляет примерно семьдесят – восемьдесят сантиметров. Ладно, меня и такая погрешность устраивает, не астрономическими вычислениями занимаюсь.

Вот к чему я пришел. Вывод первый. Одна лига примерно равна двум километрам. И вывод второй. Даже если примерно прикинуть время в пути и мою среднюю скорость, чтобы определить расстояние в километрах до Дрондера, то в столицу, при таком состоянии дороги, которую я вижу перед собой, на автомобиле я мог бы добраться за сутки. Это куда же меня попасть угораздило? Да уж, Средневековье.

Видимо, из-за невероятных умственных потуг меня одолела жажда. Повезло хоть с этим. Я заметил немного в стороне от тракта родничок. Возле него кто-то, позаботившийся о проезжающих путниках, сложил из каменных серых плит что-то наподобие скамейки. Сам родничок тоже был обложен камнями. А на ближайшем дереве висел ковшик.

Накинув повод Мухорки на одну из ветвей, как будто специально для этого обломанную, я от души напился. Хороша водичка! И такая ледяная, что даже зубы ломит. Заодно поменял воду в кожаной фляжке: она согрелась за время дороги и приобрела не очень приятный привкус.

Решил заодно и прогуляться – вдруг как приспичит не к месту. Где я тогда это самое нужное место искать буду?

Закончив со всеми делами и еще раз напившись, я совсем

уж было собрался сесть на Мухорку, когда услышал посторонние звуки. По каменным плитам тракта цокали копыта. Вскоре показалась пара лошадей, запряженных в открытую карету. Сзади, по двое в ряд, экипаж сопровождали четыре всадника в одинаковых бордовых камзолах. Карета проехала мимо, сверкая лакированными боками. И я долго провожал ее взглядом, забыв обо всем на свете. И впечатлен я был, понятное дело, не самой каретой, а сидевшей в ней дамой. Какие глаза... Потрясающая красавица.

Спину ожгло болью. Давно я так быстро не разворачивался.

Передо мной на коне очень светлой масти возвышался человек в белой широкополой шляпе. На боку у незнакомца висела шпага. Его взгляд не предвещал мне ничего хорошего. А что я такого сделал-то? Можно подумать, мимо меня проехал правительственный кортеж, а я показывал ему... Неприличностями занимался, короче.

– Ты что себе позволяешь, гийд? – Голос у него был под стать взгляду, и оба они выражали крайнюю степень негодования.

Интересно, что я себе позволяю? Разве что бросить полный восхищения взгляд на девушку, которая своей красотой поразила меня до самой глубины души? Ну да, я не остался незамеченным незнакомкой. Так что с того? Она ведь не моей персоной заинтересовалась: ей было любопытно узнать, кто же так пристально ее рассматривает. И что означает сло-

во «гидд»? Он что, знает о наших отношениях с Аниатой и просто не выговаривает букву «р»?

Дворянин занес руку для нового удара плеткой. Ага, сейчас. Расслабленной кистью руки я ожег ноздри его скакуна, заставляя того вскинуться на дыбы и сбросить седока. А что тут удивительного? Даже самого буйного племенного быка можно легко вести за собой одним пальцем, если схватиться за кольцо, прoderнутое сквозь ноздри. У многих животных так. Да и практически все мы получали по носу и хорошо помним последствия. Скажу больше. Если заехать расслабленной кистью в пах противника, то это будет гораздо эффективнее удара ногой.

Мой неожиданный враг соскользнул на землю, хватаясь за эфес шпаги. Наверное, он смог бы удержаться, будь задняя лука седла чуть выше.

Приблизившись к нему рывком на нужное расстояние, я атаковал кончик его подбородка двумя быстрыми джебами. Теперь оплеуха расслабленной ладонью. Все.

Несколько минут у меня есть. Это не смертельно, но собираться с мыслями он будет достаточно долго для того, чтобы успеть скрыться.

Я пустил Мухорку бешеным карьером, и причин для этого было множество.

Фред, тщательно вдалбливая мне правила поведения на предстоящем мне нелегком пути, несколько раз повторил – никаких конфликтов со знатью. Абсолютно никаких. Разби-

раться и искать, кто прав, кто виноват, не станут. Прав всегда будет тот, у кого на боку имеется заостренная арматурина метровой длины. А уж в моей теперешней ситуации – и подавно.

В открытую глазеть на проезжающую мимо благородную даму... Я ведь знал, что это запрещено, но не смог сдержаться: слишком уж она была красива, потрясающе красива. И как я смог не услышать приближения этого дворянина? С такими рефлексамии мне долго здесь не протянуть.

А Мухорка моя молодец. С виду ведь и не скажешь, что она способна на такое. И правильно сделал, что оставил именно ее. При всей своей резвости она еще и удивительно терпелива. Лошадям ведь достается не меньше от неопытности ездоков, чем самим наездникам.

Один опытный лошадиик, тщательно осмотрев ее, заявил, что мне повезло. Никаких изъянов. Единственный недостаток – ее возраст. У лошадей век короткий, и через пару-тройку лет она потихоньку начнет сдавать.

Ну это не самая большая проблема, мне самому бы до этого момента протянуть, что не очень-то и легко, судя по моему образу жизни в последние полгода.

Так, все, дальше шагом: показались люди, а бешено скачущие всадники всегда привлекают внимание и отлично запоминаются. Вот и примыкающая к тракту дорога, вынырнувшая из рощицы, мне туда.

Сверендер уже близко, вон он, вольготно раскинулся по

обоим берегам реки. Вот это город как город, в смысле величины. Отсюда он хорошо просматривается.

На холме возле реки возвышается местная твердыня с множеством башен и всем прочим перечнем необходимых укреплений. Вероятно, исторический центр города. С моего места и мост виден, кстати единственный. И его мне никак не миновать. Предместье рядом, через него и поеду, а не по центральному тракту. Меньше шансов встретиться с оскорбленным дворянином.

Черт, как же жжет в спине, надо было этому поборнику дворянских прав и привилегий еще и ногой в печень приложиться от души.

Так, теперь немного поразмышляем о маскировке. С Мухоркой ничего делать не надо, таких лошадей вокруг тысячи, и упряжь на ней обычная. Не перекрашивать же мне ее, в конце концов.

Теперь я. Что во мне есть такого, что выделяет меня из толпы всех остальных? Да абсолютно все. Мой облик просто безупречен. Есть у меня подозрения, что и отправили меня сюда по одной простой причине: на моей родной планете появился еще кто-то, столь же идеальный. А двоих таких для одной Земли многовато. Вот и сбагрили меня сюда, выбрав методом слепого жребия.

Если серьезно, то рубаху необходимо сменить, на спине она пропиталась кровью. Как будто бы подсохло там, коркой покрылось, но через весь город в таком виде не поедешь, а

набрасывать что-нибудь сверху жарко.

Что же касается всего остального... Воспользуемся вековой мудростью моего народа. С ее помощью он непобедимым стал и территориями огромными обзавелся. Так что теперь в остальном мире и побаиваются, и хулить не забывают, от зависти конечно. А мудрость эта довольно проста: авось кривая вывезет.

На противоположной стороне моста меня остановил стражник с дубинкой. Неужели кривая все-таки не вывезла? Черт, ему бы еще дубинку черно-белой краской расписать. Ладно, сколько с меня? Как он вообще определил, что я здесь проездом? По региону, указанному на номере моей кобылы? Ведь я видел, что он не всех останавливает.

– Сколько? – поинтересовался я.

Всем известна родственница краткости. Чего – две? Понятно, что монеты. А номинал? Начнем, пожалуй, с меди. А то, знаешь ли, слишком тяжело мне что-то деньги достаются. И с бандитами, и с абордажем этим, когда Бронс еле успел меня в сторону отбросить. И когда за маслом нырял. Я ведь один раз так воды нахлебался, что в тот день даже продолжать не стал. А на следующий только после обеда начал. Хватит? Ну тогда все, спокойной службы.

Слово «сколько» мне не так давно часто пришлось повторять. Мы с Анютой в ее лавке находились. Я указывал пальцем на товар и спрашивал: «Сколько?» Она, с таким видом, как будто явился крайне неплатежеспособный покупатель,

называла мне цену, едва сдерживая смех.

Затем я прижал ее в углу... Вот такие у нас ролевые игры получились. А что, пусть у нее лавка с чем-нибудь хорошим и приятным ассоциируется. Иначе попадетсЯ первый клиент вредный и все настроение испортит. Самое первое впечатление надолго запоминается.

Как они там? Я ведь так и не уговорил Стрегора в ученики податься. В море он хочет. Наследственное, видимо: отец у него моряком был. Ничего, пока в лавке будет помогать, а там, глядишь, и передумает...

В Сверендере на ночь я останавливаться не стал. Проехав мост, взял вправо и опять окольными путями добрался до тракта. Но и после этого долго ехал с опаской, скрываясь среди придорожных деревьев.

Отмахав порядочное расстояние, я обнаружил, что нервы успокоились. Все-таки повезло. Не нашел меня дворянин, а может, даже не искал. Не захотел никому признаваться, что получил пощечину, да еще от кого. Сейчас только гадать и остается.

На ночлег снова устроился в рощице. Все у меня для этого имеется: и чем поужинать, и на чем спать. Вот только обязательно позаниматься нужно хотя бы полчаса. Ничего сложного, но Бронс настаивал на постоянных тренировках. Для начала – самое простое и самое необходимое. Выхватил клинок из ножен, затем вновь вложил. И так много-много раз. Чепуха, казалось бы, но это лишь на первый взгляд. Можно

быть лучшим в мире фехтовальщиком, но в нужный момент просто не успеть оружие обнажить. Вот и последний мой соперник. Вынул бы он шпагу – что бы мне тогда оставалось делать? Только бежать сломя голову, бросая все свое движимое имущество.

Так, теперь встать, расставив ноги самым невероятным образом. Сейчас, по крайней мере, я уже могу так стоять, раньше все время набок заваливался. Сначала я даже подумал, что Бронс надо мной издевается. Оказывается, нет. Бронс сказал, что когда научусь передвигаться таким образом, то перемещаться обычным способом буду значительно быстрее. Еще и заявил, что он вообще не должен был мне этого показывать. Так и в моем мире всегда было. Сами технические приемы никто и не скрывал никогда, а вот методы их отработки являлись самым страшным секретом.

Ну вот, теперь еще помахать своим тесаком, поужинать и завалиться спать. В махании тесаком, кстати, тоже все не так просто. Мой учитель любил повторять, что при этом нужно включать воображение: дескать, не в воздухе железом машешь, а бьешься насмерть, только так.

Глава 10

Тругин

Прошло еще несколько дней, за время которых не случилось ничего примечательного. Разве что интрижка на постоялом дворе с одной болтливой хохотушкой или хохотливой болтушкой, не знаю даже, как будет точнее. Она не только поведала мне всю свою жизнь в мельчайших подробностях, но и просветила насчет значения слова «гийд». Как я и предполагал, самое близкое по смыслу будет «смерд».

Трясаясь на Мухорке целыми днями, я о многом успевал поразмыслить. А чем еще заниматься? И думы эти были не всегда веселые. Все-таки хоть и очень похожа была окружающая меня местность на мои родные края, но все равно отличий хватало, пусть даже мелких. Манера разговаривать, жестикуляция, построение фраз, еще что-то едва уловимое. Казалось бы, не первый день здесь, пора привыкнуть, но пока что-то плохо получается.

Не должен человек моего положения так держаться и так разговаривать. Я же веду себя совершенно обычно, как всегда и вел. И в итоге выходит, что выгляжу как гийд, а манеры как у высокородного. Вот и случаются всякие казусы.

Недавно остановил меня один местный дворянчик. Похож он был больше на разорившегося фермера, но наличие шпаги не давало сомневаться в его благородном происхождении.

Честное слово, и одет я лучше, и денег у меня на целых четыре золотых монеты больше, факт.

С деньгами-то как раз проблем нет. Если только на питание тратить, то на год точно хватит. Даже серебром редко пользуюсь, и только в том случае, если медь заканчивается. А со всем остальным у меня нормально. В столице, правда, придется потратиться на новую одежку, чтобы в глаза своей провинциальностью не бросаться. Но туда еще попасть надо.

Так вот, преградил этот тип мне дорогу и вопрошает, как ему пройти к местному муниципалитету, то есть к ратуше, получается. Выглядел он при этом так, что впору рассмеяться: дворянчик напыжился, приняв горделивый вид, левую руку положил на эфес шпаги, правую ногу чуть отставил вперед и правой же рукой плавно так повел в мою сторону. И интонации такие, как будто ему пришлось сделать неимоверное усилие над собой, и лишь крайняя необходимость заставляет его ко мне обращаться. Наверное, я все же не смог бы сдержать смех, если бы лихорадочно не подбирал слова, готовя ответ. Как же, до меня такая особа снизошла.

Такого я даже в исторических фильмах не видел. С подобными манерами можно любую трагедию в комедию превратить, честное слово. Неужели и у нас так было?

– Сьютрум, – отвечал я ему, это слово «вашу милость» обозначает, на «вашу светлость» он точно не тянет. – Вам достаточно проследовать вон к тому шпилью, – и рукой ему по-

казываю, чтобы более доходчиво было. Ну еще головой что-то среднее между кивком и неглубоким поклоном изобразил, на большее меня не хватило. Перебьется.

Кто бы видел, как его взгляд изменился. Как будто бы я его в нетрадиционной ориентации обвинил вместо ответа на вопрос. Пока он глаза пучил и ртом воздух набирал, слинял я, от греха подальше. Иначе пришлось бы в челюсть приложить – и успеть сделать это в тот краткий миг, пока он свою шпагу достает.

Да уж, имею я обыкновение по улицам города побродить перед сном, конечно, если время позволяет, чтобы получше ко всему присмотреться. Останавливаюсь обычно на постоялом дворе подальше от центра и гуляю по улицам, пока не стемнеет. Правда, ходить я всегда стараюсь так, чтобы в любой момент можно было смыться.

Мне бы как-то произношение свое исправить. Понимают меня отлично, но почему-то улыбаться начинают. Даже не представляю, в чем дело. Читал как-то, что одному человеку волей случая среди чукчей долго жить пришлось. Учила его языку женщина, и, когда он начинал говорить с мужчинами, те всегда смеялись. Как оказалось, у чукчанок свой особый женский язык.

И ведь местное-то наречие довольно простое. Так что даже не догадываюсь, в чем дело.

Здесь, в Стоклерде, я уже второй день. Причина для задержки была более чем уважительная. Бронс попросил на-

вестить его родных и письмо вручил. Еще на словах велел передать, что все у него в порядке. Адрес простой: квартал Оружейников, дом Родеринфов. Ага, простой: кружу уже который час. И сегодня, и вчера достаточно времени потерял.

Сам квартал Оружейников я нашел быстро, а вот где Родеринфы живут, никто подсказать не смог. Наконец нашелся один, объяснил, что кварталов с таким названием здесь два. И второй находится чуть ли не в противоположном конце города. И рукой неопределенно махнул, указывая направление. Понятно, не слишком-то и намашешься, если на плече бочонок, литров семьдесят навскидку будет. И на том спасибо.

Все-таки дворяне, на мой взгляд, слишком много себе позволяют. Например, вон те двое стоят на самом перекрестке и о чем-то громко разговаривают. Причем расстояние между ними не меньше двух метров. И плевать они хотели, что мешают всем. На перекрестке застыла груженная каким-то барахлом телега, в которую впряжена понурая лошаденка. И не менее понурому возчику даже в голову не приходит попросить их посторониться.

Нет, надо определяться, чем мне здесь дальше заниматься. Например, создать политическую партию и бороться со всем этим негодяйством. Затем, когда местная политическая охранка совсем продыху давать не будет, эмигрирую. И стану я спокойно доживать свой век в каком-нибудь курортном местечке на партийные деньги. Еще буду хорошеньких кан-

дидаток в партию принимать, вдумчиво так, не спеша. Может быть, даже «Капитал» свой напишу, чтобы память о себе на века оставить.

С другой стороны, слишком уж опасно. Вдруг здесь диссидентов, как в свое время у нас еретиков, сразу же на костер отправляют. Нет, в политику все-таки не полеку.

Есть у меня и другой вариант, не менее привлекательный. Смотрю я внимательно вокруг и вижу, что блондинок здесь не больше, чем от природы отпущено. А это уже безобразие получается. У нас перекись водорода еще в Древнем Риме изобрели. Нисколько не сомневаюсь в том, что многие женщины и здесь хотели бы стать светловолосыми. Спят и во сне такими себя видят. На их счастье, я объявился. Вполне может быть, что в этом и есть моя миссия.

Начну со скромного. Открою в столице пару салонов, где помогу женщинам их мечту осуществлять. Именно со столицы начинать нужно. Ведь оттуда вся мода распространяется. Дальше – больше. Широкая сеть по всей державе, обязательная монополия, деньги – рекой, а женщины – толпой. Живи и радуйся. Еще стилистом стану и визажистом, наверняка у меня и в этом смысле знаний больше, чем у местных цирюльников.

Во всем этом я вижу только две проблемы. Я понятия не имею, как его получить, этот самый пергидроль.

Вторая проблема значительно круче. Станешь стилистом и перестанешь на женщин внимания обращать. А как на них

можно внимания не обращать, вон какая миленькая куда-то спешит, не забывая глазками постреливать. Засмотревшись на симпатичную горожанку, я столкнулся с тем, кого уже и не рассчитывал встретить. Вот это да! Наконец-то за все время пребывания в этом мире мне по-настоящему улыбнулась удача. С ума сойти можно.

Передо мной стояли два дворянина. Одним из них был тот, кто так неудачно соскочил с коня при въезде в Сверендер. А вторым оказался тип, которому буквально вчера я попытался объяснить дорогу к ратуше. Похоже, они оба тоже были рады меня видеть.

– Представляешь, Ониор, этот гийд у меня не так давно кошелек украл. И так мне мечталось его встретить, – обратился давний мой знакомец к недавнему.

– А еще я ему с удовольствием по морде настучал, – в свою очередь радостно сообщил Ониору я. Не знаю, что у меня получилось, но, по крайней мере, именно это я пытался сказать. И меня отлично поняли.

– Ги-ийд! – с веселым изумлением протянул первый и хлестнул мне по лицу зажатыми в руке перчатками. Зря. Мне не вручали в пять-шесть лет маленькую шпагу, сообщив при этом, что именно она символизирует мое отличие от обычных людишек. Со мной не занимались в детстве и юности опытные наставники. Но некоторые вещи я делаю несравненно лучше.

Поднырнув под его правую руку, я с огромным удоволь-

ствием заехал кулаком ему в печень. Когда-то давно такой прием я увидел в старом американском фильме о нью-йоркской шпане, в одном из самых моих любимых фильмов. И я немало времени потратил, отшлифовывая удар.

Моя маленькая мечта сбылась. Все, в его сторону можно даже не смотреть. Боль при ударе в печень приходит не мгновенно, но выдержать ее не может никто.

Довернув корпус, я от души приложился Ониору подъемом стопы под колено. Его развернуло ко мне спиной. А я чего добивался? Теперь наносим тяжелый сокрушающий удар локтем в спину, и тоже в правый бок. Для пущего эффекта не забываем обхватить ладонью левой руки кулак правой, ударной. И делаем ноги.

Так быстро я не бегал давно. С разбегу перескочив через прилавок с фруктами, умудрившись не задеть его, забежал в щель между двумя близко стоящими домами. Затем пробежал через маленький дворик, перепрыгивая через клумбы и виляя между деревьев. Затем слегка сбавил скорость и вышел на очередную улицу уже обычным шагом.

Да уж. Пройдет немного времени – и в каждом городе меня будут встречать радостные лица местных дворян. Надо срочно что-то менять в своем поведении. Сегодня мне повезло. В этом мире, как и когда-то у нас, поместье наследует старший сын. Остальные, сколько бы их там ни было, стремятся сделать карьеру, военную или гражданскую – неважно. Иначе, если делить любое, даже очень крупное, имение,

через несколько поколений от него останутся клочки.

К чему все это я говорю. Обычно выбирают военную стезю, но и остальные дворяне, за редким исключением, шпагу носят не только для украшения. Понятно, что сегодня меня не проткнули только лишь потому, что это могло вызвать усмешки у других высокородных господ. Как же, вонзать в гийда благородную сталь... Боюсь, что при нашей следующей встрече любой из них сначала продырявит меня, а уже затем примется объяснять столь неблагоприятный поступок.

Ну и этому, что не Ониором зовется, не повезло. Теперь ему будет трудно объяснить, что дело было именно в кошельке. Как говорится, где один раз, там и второй. И в любом случае впредь надо быть осторожнее.

И еще я понял одну немаловажную вещь. Этот таинственный незнакомец является злым гением нового для меня мира. Моим личным злым гением. Доводы? Да легко. Стоит мне засмотреться на хорошенькую девицу, так он сразу же тут как тут. Невероятно.

Так, а куда это меня ноги принесли? Интересный район. Дома сплошь в два и три этажа. И жизнь кипит, хотя скоро уже стемнеет. Вот это да. Так это же квартал с интересными заведениями, только фонарей красных не хватает. Как я вообще сюда попал, неужели по зову сердца? Нет, не до такой же степени я женщин люблю.

Когда я спросил дорогу у здоровенного амбала, дежурившего возле входа одного из таких заведений, тот дружелюб-

но оскалился:

– Уважаемый, куда спешишь, ты пришел уже. Проходи, проходи, дорогим гостем будешь. – Ему бы еще акцент соответствующий – и вообще один в один.

Не пойду я к вам, ни за что не пойду. У вас в винной карте каждое наименование со слова «клофелин» начинать нужно. Ну или как его здесь называют.

Дорогу к кварталу Оружейников громила все же объяснил. Правда, как-то уж больно подозрительно при этом улыбнулся, словно намекая: «Лучше бы ты здесь остался».

«Лучше бы я там остался», – пронеслось у меня в голове минут через тридцать бодрого вышагивания в указанном направлении. Случилось это после того, как из сгустившихся сумерек непонятно откуда вынырнули три крайне неприятных субъекта и перегородили мне дорогу. И по крайней мере двое сжимали в руках ножи, лезвия которых ловили последние отблески света.

Ну ситуация-то довольно предсказуемая, путь к нужному мне кварталу лежал чуть ли не через трущобы. Нужно пройти через мостик, который я раньше почему-то не приметил. Что самое неприятное, свой тесак я на постоялом дворе оставил, посчитав за ненужную в городе вещь, только кинжал с собой прихватил.

– Смотри-ка, Вебс, этот тругин тоже ножик достал! – со смехом в голосе произнес один из бродяг. Нет, а вы что думали, я сейчас начну орать: милиция? – Так все равно не до-

кричусь, далеко слишком. Вот, опять слово новое услышал – тругин. Надо будет не забыть узнать его значение. Если уцелею, конечно.

Я прижался спиной к глухой стене дома. На помощь звать бесполезно, вряд ли эти типы вышли бы здесь на охоту, если бы не были уверены в собственной безнаказанности. Что-то многовато событий для одного дня. Черт, и куда это стража смотрит? Я вообще, можно сказать, иностранный подданный. Международного конфликта хотите?

Шайка разделилась, два бродяги начали обходить меня, намереваясь зайти с обеих сторон. Ну что ж, попляшем, братия.

Бандиты попались несуетливые: не сопят, не нервничают. Видно, что это вполне привычная для них ситуация. Двое из них с приличной длины ножами. А у третьего, которого Вебсом кличут, – дубинка. Видел я такие, сверху кожей обтянуты, а внутри свинец залит. Вот этот-то тип и самый опасный, судя по всему. В принципе с него и начинать надо. Если бы на кулаках, я бы так и сделал. Но здесь ставки слишком высоки. И потому начнем с того, что слева подкрадывается, как с самого слабого. Если все получится, то бродяг двое останется. С Вебсом же завязнуть можно. А исподтишка любой ткнуть сможет, даже дохляк. Так что выберем самого хилого: не до благородства тут, живым бы остаться. Тем более кто его знает, может, именно он у них – мастер ножевого боя.

– Что-то молчаливый нам сегодня тругин попался, – за-

смеялся мой потенциальный противник. Или нервничает, подбодрить себя пытается, или по жизни такой. Неужели не знает, что говорить во время драки нельзя: это скорость реакции замедляет.

Все, пора действовать, сзади стена, пространства для маневра никакого. Еще пара шагов – и шансов у меня не будет. Тот, что слева, снова открыл рот, видно, хотел очередную шутку озвучить. Выпадом в сторону Вебса я обозначил ложную атаку и рывком приблизился к говоруну, беспокоясь только о том, чтобы не нарваться на встречный удар. От неожиданности он дернулся назад и лишь судорожно вытянул руку с ножом в моем направлении. Отклонив его руку в сторону своим предплечьем, я с размаху полоснул кинжалом, целясь ниже его уха. Колющим ударом бить не отважился: лезвие может застрять в теле, а сзади, совсем близко, еще двое. Затем, ухватив за плечо, отшвырнул бродягу навстречу оставшимся двоим. Получилось удачно, безжизненное тело приостановило того, кто подходил ко мне справа.

А вот теперь колющий, в смутно белеющее лицо. Есть. Все-таки как похож мерзкий звук рвущейся мышечной ткани, показавшийся мне сейчас музыкой, на звук рвущейся ткани обыкновенной. Не потому ли у них одинаковое название? Все, теперь один на один, и это уже легче.

И тут на меня накатило. Нет, я не почувствовал себя всемогущим и неуязвимым. И не было в том, что я чувствовал, ничего мистического. Просто я перестал бояться. Бо-

яться того, что одно неверное движение – и я останусь лежать здесь, а они поживятся моим нехитрым имуществом и уйдут. Вернее, Вебс поживится и уйдет.

– Вебс, – словно со стороны я услышал свой голос, звучащий даже немного нежно, – как ты себя чувствуешь? Боишься смерти?

Бандит не убежал. Но теперь уже я теснил его, прижимая к каменной кладке стены. Когда он коснулся ее спиной, то оттолкнулся лопатками и ударил дубинкой, целясь мне в голову. Ну с дубиной иметь дело мне не приходилось, а вот палкой по голове – такое мы много раз проходили. В этом случае главное – подставить предплечье как можно ближе к руке, сжимающей предмет. Целясь в грудь, я ударил ножом недостаточно сильно и почувствовал биение сердца, отдававшееся в рукоятке. После еще одного нажатия нож перестал чуть заметно подрагивать в моей руке, и Вебс сполз на колени.

Все. Звуки снова стали обычными, и в левое предплечье пришла боль, острая и режущая. И еще меня начало трясти. Это откат, я знаю.

Господи, восемь человек. Я здесь немногим больше чем полгода – и уже восемь человек. Всех их я убил руками. Нет, одного застрелил из пистолета.

Последние трое были самыми трудными. И еще я почему-то ничего не ощущал. Не было у меня ни чувства вины, ни чувства радости. Как будто всего лишь сделал неприятную работу. Никогда не думал, что к такому можно привык-

нуть.

– А что, вполне прилично сработано! – громом среди ясного неба раздался чей-то голос.

Глава 11

Походки бывают разные

Если есть на свете рекордсмен мира по прыжкам с места, да еще и с широко открытым ртом, то передайте ему, что теперь он абсолютный неудачник. Тем более вряд ли он умеет выхватывать в полете кинжал.

Я приземлился на широко расставленные полусогнутые ноги, лихорадочно водя из стороны в сторону оружием и безуспешно пытаюсь рассмотреть обладателя спокойного и слегка ироничного голоса. Наконец я увидел одетого в темные тона человека, довольно среднего роста и довольно хрупкого телосложения. Он вышел из-за растущего рядом кустарника и протянул ко мне обе руки с раскрытыми ладонями:

– Все, все. Вам нечего опасаться. Вот, возьмите лучше.

С этими словами человек протянул мне предмет, оказавшийся платком. Не нужно быть особенно прозорливым, чтобы догадаться, зачем он мне может понадобиться. Мне достаточно сильно досталось лезвием ножа по руке, я так и не смог понять, от кого именно. Но не от Вебса, это точно. Ну что ж, спасибо тебе, таинственный незнакомец.

Интересно, откуда он взялся? Неужели стоял все это время и спокойно наблюдал, как меня чуть было на фарш не искромсали. Словно услышав мои мысли, незнакомец продолжил:

– Мне было любопытно, справитесь ли вы с этими флюями.

Нормальный поворот. А если бы не справился?

– В этом случае оказалось бы, что как боец вы абсолютно ничего собой не представляете.

Ты что, и вправду мои мысли читаешь?

– Нет, просто те же самые вопросы задал бы и я, – вновь раздался его голос, но уже без тени иронии. – Добивать будете?

Нет уж, спасибо. Хотя, наверное, следовало бы. Вебс и говорун уже остывать начали, а вот второй мой противник все еще стоял на коленях, обхватив руками лицо.

– И у меня желания нет. Пойдемте. – Развернувшись, он зашагал прочь, почему-то уверенный в том, что я последую за ним. А я и последовал.

– Кто такие флюи? – задал я вопрос спине, маячившей передо мной в паре шагов.

– Это те люди, что напали на вас.

– А что значит – тругин?

– Это вы. По крайней мере, были им до встречи с флюями. Доходчиво, черт побери.

Мы спустились вниз к речушке и перешли ее по узкому мостику.

– Позвольте поинтересоваться, куда это вы направляетесь не в самое удачное для прогулок по этим местам время?

– Мне дом Родеринфов нужен, – сознался я. Чего скры-

вать, нет здесь никакой тайны.

Сейчас мы шли рядом, но мне все не удавалось как следует рассмотреть незнакомца.

– Тогда нам по пути. Я и сам зайду к ним с удовольствием.

В доме родственников Бронса еще не спали. Да и время не слишком позднее, просто темнеет рано. Мой таинственный спутник открыл дверь безо всякого стука и пропустил меня первым.

В прихожей, занимавшей большую часть первого этажа не слишком большого двухэтажного дома, никого не оказалось.

– Мирта, – громко позвал он.

Сейчас, при свете двух свечей, мне наконец-то удалось его разглядеть. Лет пятидесяти, высокий лоб, седеющие волосы, вернее, то, что от них осталось. Чисто выбрит. Ни роста, ни стати не прибавилось даже при свете. И еще взгляд, обычно такой называют пронзительным.

На его голос со второго этажа спустилась женщина. Едва увидев ее, я сразу понял, что Мирта и есть мать Бронса. Письмо было у меня с собой, и я поторопился извлечь его, беспокоясь только о том, чтобы не запятнать бумагу своей кровью. Слишком опасно вручать матери послание от сына, покрытое пятнами крови. Пока во всем разберется, может и инфаркт получить.

Женщина взяла протянутое мною письмо кончиками пальцев.

– Бронс жив? – спросила она.

– Да, и с ним все в порядке, – поторопился я с ответом. Хотя какой может быть порядок в том, чем он сейчас занимается, с его-то способностями. Но об этом не мне судить.

Мельком взглянув на мою руку, хозяйка дома решительно отложила послание в сторону и указала на стул, стоявший рядом с массивным столом явно из какой-то дорогой породы дерева. Кстати, остальная обстановка тоже не казалась дешевой.

Мой провожатый удобно расположился в кресле и с любопытством наблюдал за нами.

– Положи руку на стол, – обратилась ко мне Мирта, и я безропотно подчинился. В самом деле, не отсечь же мне мою конечность собираются. Женщина вышла, вероятно, на кухню, вернулась с тряпкой, миской с водой и какой-то бутылкой. Затем на столе оказалась большая деревянная шкатулка и подсвечник с двумя свечами. Рану будет обрабатывать, озарило меня.

Все движения Мирты были неторопливо-уверенными, похоже, не так уж редко ей этим приходилось заниматься.

Рукав моей рубахи пропитался кровью, но прилипнуть к руке он еще не успел.

Мирта закатала его и теплой влажной тряпкой начала обрабатывать руку, смывая засохшую кровь. Да уж, порез не маленький. И все равно, можно сказать, легко отделался. Счастливчик. Самое главное: и не тошнит, и аппетит не пропал. Скорее даже наоборот. Матерею на глазах, душегуб черп-

тов. Как я их, а? Честное слово, сам от себя такого не ожидал. Был момент, когда едва бежать не кинулся, еле сумел удержаться.

При abordаже было легче. Там своих полно, и очень не хотелось опозориться у всех на виду. Да и у Анюты, хоть и в первый раз тогда пришлось... Как ей потом в глаза смотреть? А тут свидетелей не было, и никто бы не увидел моего позорного бегства. Впору начать уважать себя и даже гордиться.

– Где его так? – обратилась к моему провожатому Мирта, не отрываясь от своего занятия.

Ответить тот не успел. Входная дверь распахнулась, и в дом вошел парень, настолько похожий на Бронса, что я даже вздрогнул. Приглядевшись, я понял, что таким Бронс был несколько лет назад. Это его брат, ошибиться невозможно.

Мирта взглянула на него:

– Ну как?

Парень отрицательно покачал головой:

– Да никак. Не получается.

– Потерпи, сейчас немного пощиплет... – Это уже снова ко мне.

Конечно, потерплю. На моем мужественном лице даже мускул не дрогнет. Ошибался. Женщина с характерным звуком вынула пробку из бутылки темного стекла, и в воздухе повеяло чем-то знакомым.

– Уксус, – подтвердила мою догадку Мирта, щедро поли-

вая место пореза. – Так понадежней будет.

Ничего себе: немного пощиплет. После такого «немного» выдержать несколько стежков кривой иглой труда совсем не составило. Когда она уже заканчивала бинтовать мою руку, по лестнице спустилась девушка.

– У нас что, гости? – поинтересовалась она. Затем посмотрела на меня, вздернула носик и удалилась, вероятно, тоже на кухню.

Эй, ты куда? Посмотри на меня внимательнее. Я только что один трех флоек положил и лишь царапиной отделался. Знать бы еще, кто такие эти самые флойи. Кстати, девушке-то точно перекинь без надобности. Вся семья Бронса, как и он сам, были светловолосыми.

Мирта, закончив перевязку, на минутку отлучилась. Затем вернулась и поставила передо мной кружку с вином, емкостью не менее полулитра.

– Выпей, очень помогает при потере крови, – сказала она.

– Забавно было наблюдать за ним, – подал свой голос человек, сидевший в кресле, – с его умением я бы постарался убежать как можно быстрее.

Вот тебе и раз, даже почувствовать себя бойцом не дают. Спустили с небес на землю. А я уж чуть было не загордился.

Я остался на ужин. Мирта, успевшая прочитать послание, постоянно расспрашивала меня о сыне. Плохое из меня звуковое письмо, да и Бронс, кроме приветов, ничего не передавал. Поэтому я в основном односложно отвечал на ее вопро-

сы.

Бронс с Фредом? Да. В Дертогене? Да. На «Мелиссе»? Да.

Ну и еще по мелочам, о том, что обычно волнует всех матерей. Не болеет, не похудел, жениться не собирается, и дальше в том же духе. Немного рассказал о своем плавании вместе с ним, о том, что Бронс спас мне жизнь и что я очень благодарен ему за это.

Мирта только слегка кивнула, словно говоря: «А как ты хотел, ведь это мой сын! Глупо было бы даже думать о том, что он мог поступить иначе».

Кроме нас за столом сидели Дерк, действительно оказавшийся братом Бронса, и их сестра Тиасса. А вот мой проводник дом покинул, сославшись на срочное дело. Семья оказалась очень милой. Было очень приятно с ними общаться. Только Тиасса, каждый раз, когда встречалась со мной взглядом, забавно вздергивала носик и немного поджимала губки.

Еще за ужином я почувствовал легкий озноб и принял его за последствия бурно прожитого дня. Спать мне постелили в небольшой комнате, судя по всему, давно пустовавшей. И я был очень благодарен семье Бронса за это. При одной только мысли, что мне придется возвращаться на постоянный двор через чужой ночной город, еще и не зная дороги, ощутимо передергивало. Среди ночи я проснулся мокрым от жара. Сердце бешено колотилось. Затем меня начало трясти от холода, я еле заставил себя уснуть.

Следующие несколько дней прошли в череде несконча-

емых кошмаров, сменявших один другой. Снова я спасал Аниату, и ноги словно прилипали к земле, не давая сдвинуться с места. А когда мне удавалось сделать один шаг, вместо кистеня у меня оказывался непонятный предмет, вырывающийся из рук, как живой. Потом место Аниаты занимала Тиасса, и теперь я не мог помочь уже ей. Появлялся Бронс и укоризненно смотрел на меня. В кратких промежутках между кошмарами надо мной смутно вырисовывались лица то Мирты, то Тиассы, то еще какого-то пожилого незнакомого седобородого мужчины.

Затем я оказывался лежащим на земле, а вокруг меня стояли и молчали фигуры всех восьми. Лица одних я мог разглядеть хорошо, другие были в странных масках. У двоих последних на месте лиц были только светлые пятна.

Когда я пришел в себя, слепящие лучи местного светила немилосердно били в лицо. Было непонятно, рассвет это или закат. Я разглядел сидевшую рядом с постелью Тиассу. Девушка встрепенулась, заметив, что я открыл глаза.

– Пить хочешь? – спросила она.

Я кивнул. Я много чего сейчас хочу, и среди этих «хочу» желание сдохнуть не на последнем месте.

Господи, какой же вкусной может быть обыкновенная вода с легким привкусом какой-то травы. Даже такое немудреное действие совсем лишило меня сил. Я провел рукой по подбородку и обнаружил щетину. Трудно определить вот так, на ощупь, но дня три-четыре ей было точно.

Что со мной случилось? Какая-то инфекция или реакция организма на события последних месяцев? Не знаю, но, напившись, отправляться на тот свет я передумал.

Теперь необходимо было собраться с силами, спуститься со второго этажа и выбраться на дворик. Причем сделать это нужно как можно быстрее. Не знаю, как я обходился без этого все это время, не хочется даже думать об этом.

Вдруг промелькнула страшная мысль, что Мухорка и мои вещи остались в таверне. Но затем увидел свой мешок с вещами в углу комнаты, а окончательно успокоила меня Тиаса, сказав, что и за лошадь переживать не надо, она в хорошем месте и в хороших руках.

На дворе пахло утренней свежестью, радовала глаз яркая зелень, мокрая после ночного дождя, весело порхали птички. В общем, помирать расхотелось окончательно.

После обеда в комнату ко мне зашел лекарь – пожилой мужчина с седой бородой. Теперь мне стало понятно, чье лицо я видел на грани бреда и яви. От денег он решительно отказался, заявив, что вопрос с ними уже улажен и мне беспокоиться не о чем. Еще раньше от них отказалась Мирта, причем с таким видом, что настаивать мне показалось неудобным. Ничего, это от денег можно отказаться, а от подарка не выйдет.

Доктор осмотрел руку, заглянул мне в рот, послушал трубкой сердце и успокоил, заявив, что все плохое уже позади и жить мне предстоит долго и счастливо. Затем этот бод-

рый старик хлопнул меня по плечу и ушел.

Любят же здесь по плечу хлопать. Так и приветствуют, и прощаются, и выражают свое мнение по самым разным вопросам. Прямо целая наука получается.

На следующий день я почувствовал себя почти замечательно и совсем уж было собрался продолжить свой путь, но Мирта попросила задержаться еще на пару дней. Лекарь сказал ей, что будет лучше немного подождать, чтобы окончательно убедиться в том, что рецидива болезни не будет. Что ж, я совсем не против такого решения, вот только вопрос с содержанием нужно решить.

На этот раз я разговаривал с Миртой более решительно, заявив о том, что если она не возьмет денег, сколько необходимо, то я пойду и накуплю подарков, которые могут оказаться абсолютно бесполезными предметами. И тогда ей самой придется жалеть о том, что она позволила мне это сделать. Очень не люблю быть кому-то обязанным, если этого можно избежать.

Вечером ко мне в комнату зашла Тиасса. Все время моего вынужденного беспамятства она добросовестно исполняла роль сиделки, так что в ее визите я не увидел ничего необычного.

Я как раз стоял в той самой оригинальной позиции и пытался хоть немного передвинуть ноги. До болезни у меня получалось пройти парочку коротких шагов, сейчас же меня словно отбросило назад.

Из этой стойки и встать нормально не сразу получается, так что я всегда начинал движение с того места, где можно было за что-нибудь уцепиться. В данном случае рядом со мной находился комод.

Тиасса посмотрела на меня, встала точно так же и легко дошла до противоположной стены. Затем развернулась, подошла ко мне и выпрямилась. Ну ничего себе! Может быть, я уже слишком стар для этого?

На вид Тиассе было не больше двадцати. Но определять возраст местных женщин – занятие абсолютно бесполезное, никогда не угадаешь. Они, бывает, и в четырнадцать замуж выходят. И выглядят при этом совсем не соплюшками.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила она.

– Просто отлично, спасибо вам за все, – не задумываясь, ответил я. – У меня к тебе одна маленькая просьба: пожалуйста, не подходи ко мне слишком близко. У тебя внутри какой-то магнетик есть, и он меня сильно притягивает.

Тиасса подошла вплотную и провела ладонью по моей щеке.

– Вид у тебя немного бледный...

Девочка, отойди, пожалуйста, я же сейчас не выдержу, взгляд сам собой скользнет ниже. У тебя красивое платье, и оно очень тебе идет. Вот только вырез на нем можно было бы сделать и поскромнее. Да пойми же ты наконец, что мне потом трудно будет смотреть в глаза твоей маме и твоему брату. И совсем не за этим попросил меня заехать к вам Бронс.

А женщины так часто страдают именно из-за своей жалости. Это наваждение, и оно быстро пройдет.

Тиасса все поняла по моим глазам, и выражение ее лица изменилось. Она резко развернулась, и я еле успел придержать дверь, чтобы не дать девушке уйти.

Похоже, объясниться все-таки придется. Практически слово в слово я пересказал Тиассе все, о чем успел перед этим подумать. Она внимательно выслушала мою тираду, затем как-то по-особенному на меня посмотрела. Красивые глаза, да и сама она очень и очень хороша.

– Чтобы ты знал, Артуа. У меня был муж, и я его очень любила. Его не стало, как не стало и моего ребенка. – Плечи ее явственно вздрогнули. – И нужно мне от тебя не так уж много. И еще я скажу тебе одну вещь. Если девушка приходит к мужчине сама, значит, она для себя уже все решила. Но все равно спасибо, что объяснил. Так я пойду?

Я покачал головой. Кто же тебя теперь отпустит?

– Мой отец занимался тем, что давал уроки фехтования. Желающих учиться у него было настолько много, что он сам выбирал из тех, кто обращался к нему. И далеко не всегда на первом месте были деньги. Он мог отказать благородному, были и такие, и взять в ученики чуть ли не нищего за сущие гроши.

Что удивительно, никто никогда на него не обижался. Он был лучшим здесь, в Стоклерде, а может быть, и не только здесь. С ним мог сравниться разве что Доминкус, это тот че-

ловек, что привел тебя сюда. Не чаще пары раз в год они сходились на площадке, где отец тренировал своих учеников. Никто не знал заранее, когда они встретятся. Да они и сами не знали. Но на их поединки всегда приходил посмотреть весь город. Я сама видела несколько раз их бои.

– И кто побеждал?

– Да никто. Вообще трудно было понять, что происходит. Только непрерывный звон металла и сверкающие круги клинков. Потом учителя внезапно замирали, кланялись друг другу и расходились. А люди еще какое-то время продолжали стоять и молчать.

– Тебя он тоже учил? – Мне вспомнилось, как свободно Тиасса проделала то, что у меня совершенно не получалось.

– Отец говорил, что мне нужно научиться этому для того, чтобы у меня была красивая походка.

А походка у нее действительно очень волнующая, тут отрицать не станешь. Сзади так вообще любо-дорого смотреть. Стоп. Не значит ли это, что и у меня она такой станет? Нет, мне этого совсем не надо. Не буду я больше это упражнение делать, я и так быстро двигаюсь, Бронс сам говорил. Но у него ведь я не замечал ничего такого: обычная мужская поступь.

Тиасса, посмотрев на мое лицо, рассмеялась, уткнув лицо в подушку, чтобы не было слышно ни звука.

– Не беспокойся, Артуа. Мужчинам такое не грозит! – с трудом сказала она и снова попыталась заглушить смех.

– А что было потом? – спросил я, когда она отсмеялась.

– Потом? – Лицо Тиассы посерьезнело. – Потом к Доминкусу ночью кто-то влез в дом и вырезал всю семью. Его не было в городе в это время. Когда он вернулся и узнал об этом, у него словно сознание помутилось. Как же так, у него, у лучшего фехтовальщика города (он всегда считал себя лучше отца), убили всю семью, а он не смог ее защитить. С тех пор он часто бродит по ночному городу, чтобы увидеть тех, кто пытается сделать то же, что и с его семьей. Говорят, что пару раз ему это даже удавалось, и он никого не щадил. Флои его очень боятся.

– Тиасса, а кто такие флои? – Сам я так понимал, что это обычные ночные разбойники, подстерегающие в темных местах одиноких жертв. Так оно и оказалось, разве что иногда они занимаются еще и тем, что произошло в доме Доминкуса. А «тругин» значит «фраер», точнее не перевести.

Дальнейший рассказ девушки тоже не был веселым. Сначала уехал Бронс, обвиненный в убийстве, которого не совершал. Затем пропали отец Тиассы и ее муж, с которым они прожили всего лишь год. После всех этих ужасных событий она потеряла еще не родившегося ребенка.

Мне с трудом удалось сделать так, чтобы Тиасса вновь улыбнулась.

Глава 12

Держи дистанцию

В доме Родеринфов я прожил почти два месяца. И дело было не в том, что произошло между нами с Тиассой, тем более мы тщательно старались скрывать сам факт наших встреч. Дело было в ее брате Дерке.

Он давал уроки фехтования. Соглашусь, что молодой человек не имел такого мастерства, как его брат, Бронс, не говоря уже об их отце, непревзойденном мастере, если судить по рассказам Тиассы. Но даже то, что он умел, привлекало множество людей, стремящихся за деньги постичь хотя бы часть того, что знал и умел он сам.

Желающих было более чем предостаточно. Огнестрельное оружие пока не достигло того уровня развития, чтобы заменить клинки всех форм и размеров благодаря удобству в обращении, многозарядности, скорострельности и точности, поэтому умение обращаться с узкой полоской остро оточенной стали было необходимостью.

Взять, например, мой пистолет, тот самый, что был моим первым трофеем. Длинной около полуметра и весом чуть ли не пару килограмм. Из него я успел выстрелить лишь один раз, при abordage «Пулуса». Необходимо постоянно следить за состоянием кремня, наличием пороха на полке, заботиться о том, чтобы не отсырел порох и не выкатилась из ствола

пуля. А что, это вполне возможно, особенно когда трясешься на лошади, а сам пистолет направлен стволом вниз, пусть и в седельной сумке. Хорошо, что он мне не понадобился.

И еще частые осечки. Насколько я помню, пистолеты и носили всегда в паре, тогда существовала вероятность того, что хотя бы один не подведет. Кроме того, что это за оружие, если попасть в цель на расстоянии тридцати шагов можно только благодаря случаю.

Вот и приходится людям, очень далеким от войны и всего того, что с ней связано, всегда иметь под рукой лезвие достаточной длины. И причина самая прозаическая – хочется вернуться домой, к деткам и жене. А возможностей, чтобы этого не произошло, сколько угодно.

Нет, с преступностью в Империи борются самыми радикальными средствами, попросту вешая разбойников на глазах собравшейся толпы. Но почему-то потенциальных висельников не становится меньше, и их можно встретить и на темных городских улицах, и на дорогах, больших и не очень. Причины тому разные, но вот как раз они-то меня абсолютно не интересуют.

Одинокий всадник всегда привлекает внимание и является слишком лакомой добычей. Не принято здесь путешествовать в одиночку, особенно с моим-то обликом. Люди живут семьями, кланами, общинами. Так же и перемещаются, если заставляет необходимость или возникает нужда.

Нет в Империи никаких ограничений на оружие: ни на

длину клинка, ни на длину ствола, ни на их количество, кроме шпага, разумеется. Да и чего бояться властям? Империя – держава богатая, могущественная, на своей территории уже пару столетий не воевала. И катаклизмов, таких, как страшные засухи, наводнения или еще что, тоже не было давным-давно. Следовательно, и предпосылок, чтобы оголодавший люд за вилы и колья взялся, тоже нет. Да и когда и где изъятие оружия у добропорядочных граждан помогало остановить восстание? Как правило, у бандитов-то оружия всегда хватает.

В общем, к Дерку я отважился подойти после того, как увидел, что он занимается с мужчиной лет на пять меня старше и в несколько раз шире в обхвате талии. Мужчина, с виду больше всего похожий на торговца средней руки, старательно повторял за учителем все движения. Вряд ли он мечтал стать бойцом экстра-класса. Сомневаюсь и в том, что жена отправила толстяка избавиться от лишнего веса.

Дерк мою просьбу воспринял спокойно, безо всякой усмешки, и лишь поинтересовался, чему бы я хотел научиться. Да всему, чему смогу. Подумав, он коротко кивнул в знак согласия и лишь добавил, чтобы я не питал надежд стать его единственным учеником.

Даже в голову не приходило. И так слишком удачно все сошлось, ведь их семейным бизнесом вполне могла оказаться торговля лошадьми или выращивание кактусов. Мне и сейчас торопиться некуда, а будет ли другая такая возможность?

Не сомневаюсь, что в столице полно заведений подобного толка, как и не сомневаюсь в том, что обойдется обучение мне значительно дороже.

Теперь следовало решить вопрос с проживанием и питанием, желательно вкусным и разнообразным. Встать на полный пансион, так сказать. Все-таки проживание на постоянном дворе обойдется дороже, и с каждым лишним днем разница будет все более ощутимой.

С этим вопросом я и обратился к Мирте. Женщина, даже не дослушав меня до конца, предложила остаться в ее доме. Нет, конечно, в глубине души я надеялся на такую возможность. Так, слегка. И очень обрадовался. Ее, наверное, тоже можно было понять. Дом хоть и не выглядел гигантским, но свободных комнат пустовало несколько, никого не потесню. И лишний медный грошик, вернее, пара серебряных монет достоинством в четверть ала каждая за неделю не помешает.

Сейчас, по прошествии полугода, я наконец разобрался с имперской денежной системой. Одна золотая имперская крона состояла из четырех серебряных крон, любая из которых равна двум серебряным полукронам. Полукрона, в свою очередь, состояла из восьми серебряных алов, ал – из четырех серебряных контов, а дальше шла уже медь.

Экономия выходила существенная, ведь проживание на постоянном дворе обошлось бы за неделю в два раза дороже, и это еще без питания.

Вообще-то, помимо того что Дерк продолжал занимать-

ся семейным бизнесом, Мирта была владелицей лавки, занимавшей соседнее с ее домом здание.

Был я в ней. Смесь антикварного магазинчика с продуктовым ларьком. Для меня, естественно, антикварного. Горожане же видели здесь лишь предметы повседневного пользования. Фасады обоих зданий выходили к улице, а на огороженном дворе располагались всякие грядки, клумбы, неизменный курятник и отделенная приличным по высоте сплошным забором площадка, где и проводил свои занятия Дерк. Одна часть площадки была крытой, с деревянным полом, а другая находилась под открытым небом. Ну и всяких тренажеров с манекенами полно.

Вот те несколько плотно увязанных снопов соломы явно для отработки колющих ударов, я такие в фильмах видел, в них штыки вонзали. Справа от них – для рубящих ударов, неоспоримый факт.

Бум из отесанного бревна, видимо, чтобы на нем сражаться, когда необходимо продемонстрировать ограниченность ристалища.

А это что еще за страшилище? На лошадь похоже, даже седло на нем имеется и стремяна. Не иначе как рубке верхом посвящено. Тоже необходимый инвентарь.

Помню, я на своей Мухорке пробовал изобразить летящего в атаку кавалериста, так чуть без ушей ее, бедную, не оставил.

Всему остальному оборудованию я дать объяснений пока

не смог. Ни на что не похоже, и понять их назначение трудно.

И принялся я со всем энтузиазмом изучать благородное искусство фехтования. Глупо, конечно, рассчитывать, что мне удастся за сколь-нибудь короткий срок стать даже не мастером, а так, подмастерьем. Но у меня появилась возможность заняться тем, что, наверное, необходимо мне в первую очередь, – научиться себя защищать. Это чужой мир, случись какая неприятность, на помощь не придет никто. Поэтому я и поставил перед собой именно такую цель.

А к чему еще мне сейчас стремиться? Потрясти местную цивилизацию своими познаниями? Какими? Ходить и изображать из себя сумасшедшего пророка, которому ведом путь на многие века вперед? И как ее найти, эту самую другую цель? В чем она должна заключаться? Я не хочу ничего здесь менять, да и зачем? Любое общество принимает изменения только тогда, когда оно уже созрело для них. Все у них будет, и революции, и гражданские войны, и всякие там индустриализации. Всему свое время.

Меня не интересует власть, ни абсолютная, ни вообще какая-нибудь. Я никогда не представлял себя во главе могущественной армии, побеждающей одну державу за другой. Мне совершенно не нужны знамена, валяющиеся у моих ног. А что же тогда нужно? Да откуда я знаю?

Домой мне нужно, чужое здесь все, до сих пор не привык и привыкать не хочется. Иной раз проснешься утром и не спешишь глаза открывать. Лежишь и прислушиваешься, как

чирикают воробьи на ветках, совсем как у нас чирикают. И сердце замирает: вдруг сейчас мимо окон проедет автомобиль или заговорят на родном языке.

Но вместо этого – Кер Артуа мейл коуст троуглишьес ксот? И хотя отлично понимаешь, о чем идет речь, но как же хочется вместо этого услышать на телефоне «Каприз» Паганини, установленный у меня на входящий вызов от Светки. А затем поднять трубку и ответить на звонок. Эх, где это все? Нет, исчезло, испарилось, и нужно вставать, потому что все уже поднялись и завтракать без тебя не сядут, хотя каждого ждут дела.

Спускаясь к завтраку, я продолжил свои размышления. Я должен просто вписаться в то общество, что существует сейчас. Удачно вписаться.

Пока мне везет. И люди хорошие попадают, и трудностями не очень загружен. А если и появляются какие-то проблемы, то, в первую очередь, я сам в этом и виноват. Так что сейчас нужно просто плыть по течению, чтобы было время осмыслить все и сделать выводы. И самое главное, нужно проникнуться всем тем, что меня окружает. А вот когда проникнусь (вернее, если проникнусь), можно будет подумать и о многих других вещах.

Как я уже сказал, утром мы все вместе собирались за завтраком, затем расходились по своим делам: Мирта открывала лавку, Тиасса обычно уходила вместе с ней, но затем возвращалась, чтобы приготовить обед. Дерк отправлялся по

своим делам в город, его ученики обычно приходили всегда после обеда. Я оставался предоставленным самому себе. Поэтому я шел в тренировочный зал и занимался самостоятельно. Занимался до самого обеда, на который мы снова собирались все вместе. После обеда к Дерку приходили клиенты. Их никогда не было много, один-два, реже три человека. Никаких стройных рядов учеников, повторяющих за учителем все движения.

Дерк говорил, что если их больше, то невозможно уследить за каждым. А тут еще и я, так сказать, сверх плана. Но у него хватало внимания и на меня. Чуть выше локоть, до конца разгибай руку, или наоборот – в этом положении никогда нельзя до конца ее разгибать.

Затем одни ученики уходили и приходили следующие.

Было все – и бессчетное повторение одних и тех же приемов, и учебные схватки с такими мастерами, как и сам я, и продолжающиеся часами уколы и рубящие удары, отрабатываемые на несчастных чучелах.

– Это очень важно, – говорил Дерк, – тело, когда очень устает, само начинает выбирать наиболее легкий путь. Пойми, только когда ты уже не можешь без напряжения поднять руку, и начинается сама суть твоих занятий. Все остальное делается лишь с целью довести тело до такого состояния. От таких усилий у меня несколько раз судорогой сводило правую руку.

Вечерами, правда, не так часто, как мне бы того хотелось,

в мою комнату приходила Тиасса. Как правило, она заставляла меня за попытками сделать очередной шажок все из той же крайне нелепой позы. Конечно, я продолжал отрабатывать эту самую походку, но очень сильно сомневался, что подобный способ передвижения хоть как-то прибавит мне скорости.

Занимайся я тем, чем сейчас занимаюсь под присмотром Дерка, хотя бы лет семь-восемь, наверняка двигался бы достаточно быстро и без всяких экзотических упражнений. Но бросать не бросал, будет толк – хорошо, не будет – не так уж много времени у меня это занимает.

А еще Тиасса учила меня грамоте.

Что характерно, грамотные люди в Империи не были редкостью. Даже если по вывескам судить. Изображения дублировали надписи, а не наоборот. Книги я уже видел, взять, например, каюту Фреда, где их имелось несколько штук. И доктор, когда осматривал мою руку с незаживающей раной, в какую-то книгу при этом заглядывал, и она не была написанной от руки на пергаменте. Мирта иной раз какие-то записи вела.

Словом, взялась Тиасса со мной заниматься. Я даже специально в город ходил, за бумагой, чернилами, перьями и всяким песком. Книги у них в доме свои были. Заодно и лексикон свой обогащал во время наших занятий. Самым первым слово «дурень» выучил, уж слишком часто она его повторяла.

Мне казалось, что Мирта догадывалась о наших с Тиассой ночных встречах, но ни разу на эту тему не заговаривала, по крайней мере со мной. А Дерк меньше всего обращал внимания на такие мелочи.

Иногда приходил Доминкус. На первый взгляд он не производил впечатления человека, который немного не в себе. И все же, если приглядеться внимательнее, можно было уловить легкий отпечаток чего-то непонятного, не присущего обычным людям. Вполне возможно, это происходило потому, что я знал его историю и пытался увидеть в нем признаки безумия.

Обычно он усаживался где-нибудь в сторонке и наблюдал безо всяких реплик, комментариев и попыток влезть в чужое обучение. Иногда правая рука у него рефлекторно дергалась, и похоже это было на то, как если бы футболист наблюдал за игрой со стороны и видел подходящий момент для удара. С той лишь разницей, что у футболистов дергаются ноги.

Я всегда приветствовал его, хотя осадок в душе все же оставался. Как же так, при его мастерстве бездушно наблюдать бой со стороны, а потом еще с улыбкой заявить, что мне следовало бы убежать. Злило меня еще и то, что мой порез все никак не заживал и иногда напоминал о себе резкой дергающей болью.

Только один раз мужчина подошел ко мне и посоветовал проворачивать немного кисть руки в том уколе, который я пытался выучить уже который день подряд. Не знаю, помог

ли мне его совет, или просто подошло время, но дело сдвинулось с мертвой точки.

Через две недели моих занятий с Дерком я решил поинтересоваться у него, каковы мои успехи. Тот с улыбкой ответил:

– Артуа, у тебя превосходно получается держать дистанцию. Так вот, держи ее всегда, и все будет отлично. И ничего больше делать не нужно.

Затем, посерьезнев, добавил:

– Иногда у тебя какие-то вещи выходят так замечательно, что я даже диву даюсь. Но в следующий миг ты действуешь так, будто взял клинок в первый раз. Я не пойму, в чем дело, такого не должно быть. Был бы отец жив...

Его лицо сразу погрустнело. Я знал, что он пытается узнать подробности исчезновения своего отца, пропавшего вместе с мужем Тиассы.

– Почему ты считаешь, что он погиб? – поинтересовался я.

– Мы нашли тела обоих и похоронили их, – начал рассказывать Дерк. – Об этом знают все, кроме Тиассы. Она так тяжело переживала смерть своего ребенка, что мы просто не смогли рассказать ей еще и об отце и муже. А потом не стали ничего менять. Кстати, спасибо тебе.

– Это еще за что?

– В последнее время Тиасса начала улыбаться. И так давно этого не было.

Вот тебе и раз. Я-то думал, что Дерк ни о чем даже не подозревает.

Однажды под вечер он явился в крайне возбужденном состоянии и позвал меня в тренировочный зал. Вероятно, ему нужно было снять напряжение, и он не нашел лучшего способа. Нет, я не оказался в роли избиваемого, хотя несколько раз прилетело крепко. И один раз даже умудрился достать его длинным выпадом, таким, какой он мне и рекомендовал в качестве основного тактического приема. После этого мы оба застыли от изумления. Затем Дерк махнул рукой: все, хватит. Мы присели на бум, мой самый нелюбимый снаряд из всего, что тут было собрано.

– Сколько я должен тебе за этот урок? – попытался подколоть его я.

Однажды Дерк заявил, что каждый урок, в котором мне удастся коснуться его, будет бесплатным. Такое он говорил не только мне, и, поскольку занятия стоили не слишком дешево, задеть учителя желали все. Правда, на моей памяти таких случаев было не больше двух.

– Да иди ты, – отмахнулся он, – все равно я твои деньги Тиассе отдавал.

И рассмеялся, посмотрев на выражение моего лица.

– Рассказывай, что случилось. Сегодня ты сам на себя не похож, – потребовал я.

Дерк немного помолчал, а затем произнес:

– Я знаю, кто убил моего отца.

Глава 13

Флои

Недели через три после нашего разговора приехал Бронс. Приехал он не один, с ним были еще три человека из экипажа «Мелиссы», и в доме сразу стало шумно и весело.

Я узнал о его приезде по радостному визгу Тиассы, раздававшемуся с первого этажа.

– Что-то долго ты письмо передаешь, – пошутил Бронс, увидев меня.

Я пожал плечами, мол, сам не ожидал.

Конечно же был праздничный ужин, во время которого желанный гость рассказал все новости Дертогена. Три недели здесь не срок, и новости не успевают выйти из разряда свежих. Все там было по-прежнему, все мои знакомые живы-здоровы, и даже Аниата еще не успела найти себе нового ухажера.

Люди, приехавшие с Бронсом, были из числа тех пятнадцати членов экипажа «Мелиссы», что по праву считались настоящими бойцами. Парень, которого звали Лурк, был среднего роста и непомерной ширины. Про таких говорят: легче перепрыгнуть, чем обойти. Он предпочитал действовать кистенем с большим шиповатым биллом, в левой руке обычно зажав короткую абордажную саблю с широким лезвием и гардой, прикрывающей кисть почти полностью.

Второй – Тергиль, высокий носатый молчун. Если ему вдруг случалось что-то вымолвить, от смеха помирали все. Этот парень любил топоры и владел ими мастерски. Кроме того, на поясе у него всегда висел обоюдоострый клинок с длинным, почти полуметровым, лезвием. Это оружие можно было бы назвать кинжалом, но заточка с одной стороны лезвия не доходила даже до половины.

Сайес, третий, был очень похож на испанского мачо. Длинные темные прилизанные волосы, тонкие усики, продолговатое лицо, большие темно-карие глаза. Ростом мы были примерно одинаковы, возрастом и телосложением тоже. Сайес взял на вооружение нечто напоминающее шпагу, но имеющее более широкое, заточенное с обеих сторон лезвие и рукоять с легким намеком на крестовину гарды. Мне он отчего-то пришелся не по нраву. Весь какой-то скользкий. Но бойцом он был отменным, и техника у него своеобразная.

И еще мне не понравился взгляд, устремленный им на Тиассу. Он как будто в воспоминания окунулся, глядя на нее, и воспоминания эти были из разряда приятных. Ладно, будем считать, что мне это показалось.

Кроме холодного оружия у всех бойцов были пистолеты, поражающие даже не длиной ствола, а калибром. При абордажах дистанция до врага минимальная, так что особой дальнобойности не требуется. А приехали они с Бронсом с вполне понятной целью: решить проблему, о которой мне недавно поведал Дерк. Если слово «проблема» можно при-

менить к этой ситуации...

На следующий день, после обеда, все собрались в школе – так наиболее точно можно назвать место, где обучал своих учеников сначала старший Родеринф, а затем и Дерк. Мой учитель попросил Бронса посмотреть на мою впечатляющую технику. Это явилось результатом памятного разговора, в котором Дерк посоветовал мне держать дистанцию, чтобы быть успешным в бою.

Я и один из моих «одноклассников» (таких же учеников) начали топтаться с тренировочными клинками в руках. Представляю, как это выглядело в глазах профессионалов.

Наверное, я все же смог бы победить своего соперника, и сделать это достаточно быстро, но тогда мне пришлось бы применить кое-что не совсем из области благородного искусства фехтования. Слишком уж заманчиво открывался иной раз противник, так и хотелось прибавить к сабле ногу. По-моему, оппонент неоправданно далеко отставлял от себя правое колено.

Топтались мы достаточно долго, пока наконец Дерк нас не остановил. Братья что-то обсудили, Бронс покачал головой и пожал плечами. И тут подал голос Доминкус, по своему обычаю молчаливо сидевший в углу площадки:

– Попробуйте дать ему шпагу.

Оружие выглядело как-то непривычно. Вместо клинка – прут с набалдашником на конце, разве что гарда присутствовала. Но как сказал мне когда-то Бронс, главное в учебном

оружии – это не копирование формы боевого, а соблюдение правильного веса и балансировки. Когда я взял оружие в руку, то сразу понял – это мое. Именно шпага, а не какое-нибудь другое оружие, например, такое, которым владеет Сайес. Стокис Сайеса, а именно так называется его клинок, трудно держать на полусогнутой руке долго, баланс не тот. Да и техника владения отличается.

А вот шпага – другое дело. Я вообще люблю длинную дистанцию, сколько бы Дерк ни шутил по этому поводу. Да и тот же самый бокс именно на этом строится. Еще мой бывший тренер говорил: представьте, что в правой руке у вас шпага, а в левой кинжал. Рукой-шпагой наносите длинные быстрые удары, а в подходящий момент пускаете в ход руку-кинжал.

С таким оружием и бой со своим оппонентом у меня прошел значительно легче. Нет, я не убил его двести раз, просто преимущество в длине клинка многое мне давало. Жалел я лишь о том, что у меня нет в левой руке кинжала, – для его использования было множество удобных моментов.

А вот Бронс, понятное дело, победил меня легко, понадобилось ему для этого меньше минуты, секунд на тридцать дольше, чем при последней нашей встрече. Запутал он меня своими финтами, отбил клинок, уводя его в сторону, и приблизился вплотную.

Моряк поинтересовался, учил ли меня кто-нибудь когда-нибудь владению шпагой. Пришлось сознаться, что та-

кой факт в моей биографии действительно присутствовал, и продолжалось обучение целых два года. Но было это очень и очень давно.

Бронс с Дерком переглянулись. И нечего тут переглядываться, парни, это у вас не принято владению шпагой простолюдинов обучать. В вашем дурацком мире и шпаг-то солдатских нет. Кстати, после обучения мне довелось держать шпагу в руках от силы раза три, так что крайне сомнительно, чтобы какие-нибудь навыки остались с той поры.

Эх, парни, парни. Мне бы пистолет нормальный в руки: с короткостволом у меня всегда отлично выходило. Даже когда я его вверх рукояткой переворачивал. Помню, подглядел этот прием в одной передаче и решил как-то испробовать.

Вечером Дерк поинтересовался у меня, отправлюсь ли я вместе с ним. Ну помнится, кто-то сам советовал держать дистанцию. И на этот раз она будет очень, очень большой. А вот когда ты, мой уважаемый учитель, вернешься и начнешь захлеб рассказывать, как все произошло, я поинтересуюсь, куда делись Тергиль с Лурком. Ты отмахнешься, скажешь, что их убили, и попросишь не перебивать, потому что сейчас будет самое интересное. В конце рассказа ты мне еще и рану свою покажешь, ты будешь гордиться тем, какая она большая и что через нее даже внутренности видно...

Отправились мы пешком, тем более идти было не так уж и далеко. Моряки на лошадях – это та еще тема. Сразу вспомнилась чья-то шутка о психической атаке – матросах на зеб-

рах.

Вышли мы еще затемно. Мы – это Дерк и Бронс, три человека из экипажа «Мелиссы», двое незнакомых мне людей, один из которых был даже в кирасе, я и, что удивительно, Доминкус. Хотя, впрочем, что в этом такого удивительного? С отцом братьев он был очень дружен.

Мы устроили засаду, спрятавшись в зарослях кустарника. Чего мы ждали – мне было непонятно. В общем, занимались мы тем, что всматривались в руины старого замка, несколько столетий назад принадлежавшего местному феодалу. От нечего делать Дерк рассказал мне историю этих развалин. В те далекие времена еще не было сильной централизованной власти во главе с императором, а был обычный для Средневековья сюзерен с не всегда верными ему вассалами. И этот владелец замка остался в памяти народа как человек жадный и жестокий. Чего только народная молва ему не приписывала. Барон, или кем он там был, и младенцами питался, и кровь девственниц употреблял вместо аперитива. А еще любил он собственноручно пытать провинившихся в подвалах своего замка, наслаждаясь муками и воплями истязуемых. Плюс ко всему этот феодал питал непреодолимую страсть к женскому полу, что в общем-то вполне понятно. В общем, довел он людей на подвластных ему землях до того, что вспыхнул бунт. Как обычно, нашелся человек, который смог поднять толпу и повести за собой.

Понятно, что все это закончилось бы ничем. Побунтова-

ли бы доведенные до отчаяния люди недельку-другую, потрясая в благородном гневе вилами и топорами... Отсиделся бы барон в своем замке, поди, не в первый раз. Волнения бы успокоились, и все шло бы своим чередом. Но случилось несколько иначе.

Давний недруг барона, живший в Бенгорде, городе, который мне придется миновать по дороге в столицу, решил воспользоваться ситуацией. И двигало им явно не стремление помочь простолюдинам. Словом, замок пал. Все остались довольны: и народ, избавившийся от ненавистного господина, и сосед, присоединивший к своим владениям бывшую собственность барона.

А вот самого поверженного феодала не нашли. После тех событий его больше никогда не видели.

За замком, вернее, за его развалинами с тех пор закрепилась недобрая слава. Как утверждали очевидцы, время от времени там появлялись ужасные привидения, слышались леденящие стоны жертв бывшего владельца, а иные смельчаки умудрялись наткнуться и на самого владельца, появляющегося среди руин в полночь со своей головой в руках. Ну как говорится, народ всегда прав.

Ясное дело, собрались мы тут не для того, чтобы убедиться, что исчезнувший барон не появится или появится с головой на плечах, а не под мышкой. Развалины являлись местом обитания стоклердского криминалитета. Вот этим-то парням как раз и было выгодно, чтобы это место пользова-

лось дурной славой, так для них спокойнее. А мы пришли как раз затем, чтобы провести здесь зачистку.

Когда я спросил Дерка, почему этим не занимается местная стража, тот лишь криво усмехнулся и ответил, что местные блюстители порядка предпочитают заниматься поборами с торговцев. На все остальное у бедных стражников времени не хватает. Нет, иногда они здесь появляются. Но почему-то флой, обитающие здесь, узнают об их визитах гораздо раньше иных рядовых стражников. Кстати, поговаривают, что в развалинах остались тайные подземные ходы, где легко спрятаться.

Правда, однажды нагрянула стража с самого Сверендера. Вот тогда действительно зачистка прошла на славу – и тайные ходы не помогли. Было это пару десятков лет назад.

Но мы прокрались сюда не за тем, чтобы взвалить на свои плечи обязанности стражи. Дерку удалось узнать, что именно люди, скрывающиеся среди руин, виновны в гибели его отца и мужа Тиассы. Обременять меня подробностями он не стал, сказав только, что сведения верны, а поделился с ним информацией человек, словам которого доверяет, как своим собственным.

К слову, Бронс прибыл домой на вполне легальных основаниях. Все обвинения с него сняты, поскольку нашелся человек, признавшийся в приписанном матросу убийстве.

Колокол на башне городской ратуши отбил полдень, но мы все еще выжидали. Оно и понятно: сомневаюсь, что флой

сидят с ложками наготове, дожидаясь последнего удара колокола, чтобы приступить к трапезе. Наверняка многие из них отсыпаются после ночной смены.

Меня удивляло, как же флои могли справиться с отцом Дерка и Бронса. Ведь не нападали же они на него десятками до тех пор, пока не смогли с ним покончить. Дерк объяснил, что на телах не было ни одного ножевого ранения, только следы от пуль. И произошло это примерно в том районе, где и мне в свое время посчастливилось наткнуться на ночных грабителей. А вот что делали там родные Дерка, парень опять не удосужился мне объяснить.

Наконец Бронс подал знак, все встали и неторопливо двинулись к руинам, на которые мы любовались последние несколько часов. Наша команда старательно пыталась слиться с кустарником, густо росшим с северной стороны замка.

По примеру других я достал пистолет и взвел на нем курок. Доминкус, посмотрев на меня, указал рукой за свое левое плечо: мол, здесь твое место. И еще добавил, что надеется на меня.

Понятно, что ж тут непонятного. Я прикрываю твою спину и слежу за тем, чтобы человек, которого ты уже успел одолеть и счел мертвым, вдруг внезапно не ожил. С другой стороны, неизвестно, кто кому больше помогать будет. Я так думаю, что все же ты мне. И небольшая просьба: ты, Доминкус, далеко вперед не вырывайся, а то кто мне спину прикроет, с моим-то умением. Но это так, мои досужие размышле-

ния.

То, что флои были слишком беспечны, – факт неоспоримый. На их месте я бы выставил наблюдателя вон на той полуразрушенной башне. Ну хотя бы патрульного, что ли, заставили окрестности обходить. Мальчишку какого-нибудь. Ладно, это проблемы разбойников, а нам такая бесшабашность очень даже на руку.

Мы попали во двор замка через частично обрушенную стену. Флои, среди которых было и несколько женщин, в это время удобно расположились на травке, гремя ложками о посудины с похлебкой. От котла, висевшего на треноге над очагом, пахло, кстати, довольно аппетитно. У разбойников и небольшой бочонок присутствовал, то ли с вином, то ли с пивом. Этакий пикничок с посещением местных достопримечательностей.

Когда раздались первые выстрелы, я направил ствол своего пистолета в ближайшего разбойника, сидевшего к нам спиной и едва успевшего обернуться на звуки. Затем в дело пошли клинки. Почему-то все происходящее напоминало форменное избиение младенцев. Когда все закончилось, в живых из флоев не осталось никого, даже женщин. Слава богу, что хоть к этому я руку не приложил. Я вообще ее приложил только к трем флоям, которые, по моему мнению, падали недостаточно быстро после ударов Доминкуса.

Сайенс позаботился о том, чтобы никто из разбойников уже не смог неожиданно воскреснуть. Вот на это я даже

смотреть не смог. Потом мы внимательно осмотрели развалины, разыскивая затаившихся флоев, тех, что предпочли сон обеду. Я ходил вместе со всеми и так же внимательно, как и остальные, осматривал самые темные закутки. Потом мы ушли, захватив с собой тело человека, единственного из нас, кто был в кирасе.

Никто не осматривал трупы, не оценивал даже на взгляд стоимость вещей разбойников, только Дерк зачем-то пнул котел. Тот завалился набок, и из него вылились остатки жидкого варева. Но сейчас оно пахло так, что начинало тошнить.

Когда мы вернулись в дом Родеринфов, нас ждал роскошно накрытый стол. Мы долго сидели за ним, съедено и выпито было немало. Только атмосфера была не слишком праздничная.

Первым компанию покинули Дерк с Бронсом, прихватив Лурка с Тергилем и предупредив, чтобы раньше чем через два дня не ждали. Затем ушел Сайес, объяснив это тем, что очень устал и хочет выспаться. Немного погодя удалилась Тиасса, сославшись на головную боль.

За столом остались только Мирта, Доминкус и я. Мы посидели еще немного, затем Доминкус попросил меня проводить его. На дворе давно уже стемнело, на смену дневному зною пришла долгожданная прохлада.

Мы немного подышали свежим воздухом, затем Доминкус поинтересовался:

– Артуа, ты все еще зол на меня за то, что я тогда тебе

не помог?

Я пожал плечами. Не то чтобы зол, но в глубине души неприятный осадок все же есть.

– Понимаешь, – чуть помолчав, продолжил он, – если бы я тогда вмешался, то ты не смог бы почувствовать то, что почувствовал. А ведь ты кое-что почувствовал, верно?

В ответ я лишь кивнул. Только вот откуда он это знает?

– Судьба забрала у меня самое дорогое. И взамен дала то, о чем я совсем не просил. Порой мне кажется, что все это просто иллюзии, а иногда я уверен в этом. Тогда, наблюдая за тобой, я чувствовал, что ты едва удерживаешь себя, чтобы не сбежать. Побегу ты – и я обязательно помог бы тебе. Но как видишь, тебе не понадобилась моя помощь. И еще, ты ощутил в себе то, что и должен был ощутить. А без этого любое мастерство не более чем красивое размахивание куском железа.

Помолчав еще, он добавил:

– Знаешь, Артуа, если ты очень хочешь что-то сделать, то сделать это обязательно нужно. Лучше жалеть о содеянном, чем всю жизнь страдать от того, что мог, но не сделал.

Глава 14

Любовный порошок

Что-то скучно спать одному. И Тиасса давно не навевывалась. Самому, что ли, в гости сходить? Со свечкой. Мирта на первом этаже спит: и не увидит, и не услышит.

Батюшки-светы! Как я вовремя, и свеча к месту. Надо же такому случиться.

Так, а кто это у нас? Надо же – сам Сайес! Не прикрывайся, солнышко, чего я там не видел. Это я не тебе, Сайес, какое ты мне солнышко.

Тихо, тихо! Успокойся, Сайес. Ничего страшного не происходит. Вот только захотелось мне самому убедиться. Знаешь, в общем-то никакие особые чувства нас с Тиассой и не связывали. Встретились два одиночества и разошлись, как в море корабли.

Помню-помню, это из разных песен. Хотя ты этого точно знать не можешь. Да я и не в претензии. Мне обидно немножко, могли бы и сказать. Нет, не так, не обидно – мужчины не обижаются, немного огорчительно.

Ага, точно, огорчительно, лучше и не скажешь. Знаю я, что завтра ты уезжаешь, догадался и о том, что знакомы вы уже давно.

Ну и куда ты тянешься? Совершенно напрасно, поверь. Мне ведь в отличие от тебя никуда тянуться не нужно, все

при мне. Омния mea... и так далее. Ну что же ты так громко падаешь? Весь дом перебудуишь. Запомнил хоть, как это делается? Согласись, несложно. Вся хитрость в том, чтобы именно тем местом бить, откуда волосы расти начинают, там еще кости черепа сходятся. И еще два обязательных момента – плотно зубы сжать и лбом в челюсть противнику не попасть. Да это ты и сам должен знать, как-никак азы.

Давай, я тебе нос на место вправлю, через неделю как новенький будет. Я умею, я это уже делал. Сам ломал и сам на место ставил. Несложно.

Вот только людей убивать мне до вашего идиотского мира не приходилось. А так всякое бывало. Нет, до утра нельзя откладывать, потом опять ломать придется. Ну как знаешь. Я свечку с собой заберу, у вас свои есть. До свиданья, солнышко. И тебе, Сайес, не кашлять.

Все-таки как хорошо быть образованным человеком, даже просто грамотным. Почитаешь разных книжек – и столько мудрости наберешься, что потом сам себе удивляешься. Казалось бы, какая мелочь – два деревянных клинышка, они ведь могут даже и не пригодиться, если дверь в комнату наружу открывается. Но моя-то дверь вовнутрь открывается. Пожарников на них нет. Ну в нашем случае это даже хорошо. Положу обе деревяшки на пол, и, если кто-нибудь дверь начнет открывать, они ее и заклинят.

Это мне в одной книге прочитать довелось, все про того же агента, только у него один клинышек был, а я перестра-

ховщик. Я их еще в Дертогене выстрогал, когда в дорогу собирался. Так деревяшки и валялись у меня в мешке без дела. Наконец-то пригодились, а то прямо хоть выкидывай.

Я клинышки почему поставил – перед дорогой выспаться хочу. По крайней мере, проснуться. Кто его знает, как себя Сайес поведет.

Утром я попрощался с Миртой. Жаль, что Бронса с Дерком не дождался, ну да ладно.

Хорошие у тебя сыновья, Мирта, и дочь тоже хорошая. Это я тебе искренне говорю. Просто так получилось. Не связаны мы с ней узами священного брака, а других уз, видимо, не хватило. Житейская ситуация, я не в претензии. Но оставаться здесь уже не могу, как ни хотелось бы.

Бедная Мухорка, как же ты застоялась. По-моему, ты даже пополнила, зайка. Нельзя же так, женщины за фигурой следить должны. Это нам, мужланам, все позволено. Все, все, теперь долго ехать будем, еще пожалеешь.

К полудню я был далеко от Стоклерда. Движение на тракте было такое оживленное, что даже удивительно. Пристроишься к группе повозок и едешь вместе с ними некоторое время. Затем высмотришь впереди идущий караван, догонишь его на рысях и с ним дальше следуешь. Никто особого внимания не обращает, думают, отстал от своих, сейчас догнать пытается. Так и передвигался рывками.

Эх, Тиасса, Тиасса. Ведь не делается так. Я все понимаю: старая любовь и так далее. Уехал бы он на следующий день,

и, если бы я в комнату не вошел, все бы по-прежнему продолжалось. Самое неприятное то, что все у меня за спиной происходило. И как мне после этого уважать самого себя?

Да, как боец он меня сильнее, кто же спорит. И пропади я вдруг, кто бы меня спохватился? Утром, когда уезжал, я не видел ни его, ни Тиассу. Не было их обоих за завтраком, мы вдвоем с Миртой за столом сидели. Дело не только в мастерстве, оказывается. Да ну их обоих. Нашел о ком думать.

К вечеру решил остановиться в какой-то деревне, на постоялом дворе, расположенном на самой окраине. Названия узнать не смог, какие-то хулиганы оторвали табличку на въезде. А может, и не было этой самой таблички, еще нигде не попадались, с чего бы здесь ей взяться. Хотя даже если бы и была, вряд ли сумел бы прочитать: не очень у меня еще хорошо с местной грамотой.

Свободных мест не оказалось, другого постоялого двора тоже. У меня и так с самого утра настроение не очень, а здесь еще этот боров – хозяин двора – пренебрежение проявил по отношению ко мне, через губу разговаривал.

Еле сумел взять себя в руки.

В принципе и на дворе переночевать можно, главное, что безопасно. Правда, разбаловался я за то время, что в Стоклерде жить пришлось. Ничего, придется снова привыкать, сколько их еще предстоит, ночевок под открытым небом. Ярмарка у них в ближайшем городе – Бенгорде, потому и движение оживленное. Вот когда его миную, проще будет с ноч-

легом.

Надо было поесть да сразу спать заваливаться, но черт меня дернул заглянуть за какое-то строение из свежего теса, еще не успевшего потемнеть. И настроение испортилось окончательно.

В недостроенном сарае спрятались три мужичка и одна девчонка, молоденькая совсем. Огромные глазищи смотрели поверх руки, зажимавшей ей рот. Вторая рука под юбкой у девчонки скрылась.

Мужик, ну и что ты там такого обнаружить пытаешься, чего у твоей жены нет? Ты уже в годах, можно сказать, явно старше меня будешь. У тебя, наверное, дочка такого же возраста, и не факт, что старшая.

Двое других мужиков тоже разве что слюни на землю не роняют. Братва лихая, статья тяжелая и совсем не уважаемая. Эх, не те это приключения, о которых я всю жизнь мечтал. Я у вас тут всего ничего, а уже второй подобный случай. В общем, ничего хорошего. И я поинтересовался:

– Мужики, кто крайний?

Оказалось, что с юмором у них никак. Нет чтобы сказать, что самим мало, так даже послали. Беда в том, что я уже достаточно овладел языком, чтобы понимать, куда именно. И добавили еще: иди, мол, пока цел. Вот я и пошел. Вернее, подошел. Поближе. Подробности рассказать?

Можно нанести очень быстрый и очень мощный удар крепко сжатым кулаком. Если указательный палец не сгибать

до конца, а прижать его к подушке большого, то удар будет еще быстрее, но уже не таким мощным. А вот если кулак вообще не сжимать, но в последний момент сделать рогатку из указательного и среднего пальцев, то вообще никакой мощи не будет, а будет только скорость и сплошная темнота. Не у самого нападавшего, конечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.